

НАШИ • ТАМ

КУБАНСКАЯ КОНФЕДЕРАЦИЯ

ДВЕРЬ

Используется для создания
первой линии защиты от
воздействия дозиметрической
волны и от проникновения
загрязненного воздуха в
сооружение ГО

ВАСИЛИЙ САХАРОВ

КОГДА

ПРИШЛА ЧУМА

Annotation

Модифицированный боевой вирус чёрной оспы вырвался из-под контроля. Безжалостная болезнь уносит миллионы жизней. Но гораздо хуже, что люди стали убивать друг друга ради боеприпасов, еды, топлива, одежды. Никому нельзя верить. Мир погрузился в хаос... Через страну, которая раньше была Россией, пробираются к тайному бункеру на севере двое, дядя и племянник. Крутые мужчины – они многое умеют и не стесняются применять силу. Но даже им непросто добраться до цели, и не факт, что всё закончится благополучно.

Василий Сахаров
Когда пришла чума

* * *

Для Андрея Ивановича Вагрина, по кличке Вага, день начинался как обычно, и ничто не предвещало беды. Он проснулся, плотно позавтракал и снова упал на кровать.

Заняться было нечем, и срочных дел не предвиделось. За окном жаркий летний день и московская суэта, которую Вагрин не любил, и в его душе царила тоска. Никуда не надо спешить, и день обещал быть размеренным, долгим и скучным. А причина его плохого настроения простая – усталость. Завтра ему исполнится сорок лет, круглая дата, и он ничего не хотел.

По меркам обывателей у него было всё, о чём многие могли только мечтать. Здоровье. Квартира в центре Москвы. Деньги. Хорошая машина. Маленькая уютная вилла в Испании и красивые женщины, которых Вагрин иначе как самками не называл и всегда покупал. А стимула двигаться дальше, к чему-то стремиться не было. Родители и старший брат давно умерли, а из близких людей остался только племянник Ванька, который служил в армии. Поэтому Вага был один, катился по жизни, сшибая преграды, и пока ещё не схлопотал свою пулю. Хотя чего только не пришлось испытать в жизни: и повоевать успел, и в криминальных разборках участвовал, и в горы лез, и по лесам бродил, и в морские штормы попадал. В молодости это интересно. А сейчас его было трудно чем-то удивить, всё опостылело.

– Жениться, что ли? – задал он сам себе риторический вопрос. – Может, тогда что-то изменится?

Хандра. Она накатывала всякий раз перед тем, как судьба кидала Вагрина в очередную авантюру, и, подумав об этом, он улыбнулся. Волчье чутье подсказывало Андрею Ивановичу, что жизнь готовит ему новое испытание, и он был к этому готов. Хоть война, хоть разборка. Что угодно, только бы начать движение к какой-то определённой цели...

Неожиданно, вторя его предчувствиям, зазвонил мобильник, и Вага увидел, что это Шарукан, старый приятель и работодатель.

«А вот и приключения», – подумал он и ответил:

– На связи.

– Привет. – В трубке напряжённый голос Шарукана. – Ты в столице?

– Конечно.

– Приезжай ко мне, я за городом. Соберётся старая гвардия. Ты мне нужен.

– Всё настолько серьёзно?

– Более чем. Дело жизни и смерти. Оно касается всех.

– Принял.

Вагрин отключился, оделся, вышел из квартиры и через десять минут был на стоянке возле дома. Зачем он понадобился Шарукану, по паспорту Алексею Аскерову, неизвестно. Но если криминальный авторитет и в то же время депутат Государственной думы и солидный бизнесмен зовёт в гости, надо ехать. Он зря болтать не станет.

На мгновение Вагрин замер и посмотрел на своё отражение в лобовом стекле автомобиля. Широкоплечий коротко стриженный блондин в светлом костюме улыбался, и Вагрин сам себе подмигнул, а затем сказал:

– Всё путём, Андрюха. Есть ещё порох в пороховницах.

Сев в машину, он выехал из тесного арбатского дворика и направился в сторону Рублёво-Успенского шоссе. Через час, на удивление быстро, избежав серьёзных пробок и выбравшись

из столицы, подъехал к дому Шарукана, посигналил.

Ворота открылись сразу, и Вагрин увидел охранников Аскерова. Два здоровых бугая в одинаковых тёмных костюмах и с помповыми ружьями. Стволы обычно никогда не светились. Но, видимо, Шарукан реально чего-то опасался.

Вагрин въехал во двор, посмотрел на машины, которые стояли перед домом, и покачал головой. Разговор в самом деле предстоит серьёзный, и явно произошло что-то необычное, ибо действительно вся старая гвардия здесь.

В холле его встретил хозяин, скуластый брюнет. На четверть татарин, на четверть поляк, на четверть башкир и ещё на одну четверть украинец. Такие вот метаморфозы. Одет в дорогой костюм, под пиджаком что-то слегка выпирало, наверняка в наплечной кобуре пистолет.

– Здравствуй, братка, – поприветствовал он Вагрину, и мужчины обнялись.

– Здравствуй, Шарукан.

– Проходи, только тебя ждём.

Аскеров провёл Вагрину в гостиную, и на входе Андрей остановился. Его цепкий взгляд скользнул по лицам гостей, которых он знал, и люди эти были в большинстве не простые. Можно говорить прямо – опасные. Такие же, как он и Шарукан.

Возле окна два закадычных друга, Серж и Утёс. В далёком прошлом спецназовцы ГРУ, которые после увольнения из армии открыли собственное сыскное агентство. Бизнес не пошёл, и друзья переквалифицировались в киллеров. Работали не только в России, но и за рубежом. А затем остепенились, открыли спортивный зал для богатых клиентов и обзавелись семьями. Однако хватку не потеряли. И со своим постоянным работодателем Шаруканом поддерживали тёплые дружеские отношения. Не приятельские и деловые, как это было с Вагриным, а именно дружеские.

На диване перед телевизором, попивая из баночки пиво, расположился Вепрь, громила под два метра ростом. Он из спортсменов, борец. В девяностых ходил под люберецкими и в разборке схлопотал пулю. По этой причине, когда примчалась милиция, не успел удрать, был схвачен и отправлен на нары. Отсидел четыре года, а затем каким-то образом вышел на Шарукана, показал себя в деле и одно время возглавлял его охрану, внешний круг из быков. А пару лет назад Вепрь куда-то пропал. По предположению Вагрину, завалил кого-то по приказу своего начальника и спрятался в провинции.

Рядом с Вепрем в кресле, закрыв глаза, находился ещё один интересный субъект по кличке Наёмник. Худой, словно палка. Лицо с заметным желтоватым оттенком, на левой руке нет двух пальцев. Непоседливый человек, убийца и шпион. Успел побывать в Африке, в Латинской Америке, в Азии и Европе. По слухам, у него есть семья, которая проживала в Германии. Но это только слухи. Скорее всего, он одиночка, а с Шаруканом пересёкся во время войны с Крапом. Был такой воровской авторитет в девяностых. Тот прибыл в столицу, сколотил группировку и наехал на Аскерова, который только-только начал набирать вес. Наверное, он считал, что сможет легко задавить молодого и борзого Шарукана. Вот только ошибся, поскольку в Москве его сибирский авторитет ничего не значил. И в ходе трёхдневной военной кампании, во время которой Вагрин работал вместе с Наёмником, банда Крапа была уничтожена. Кого убили, кто-то исчез без следа, а кого-то менты по наводке конкурентов взяли, в том числе и самого Крапа. Его снова отправили на зону, и во время этапирования он был застрелен конвоиром.

Такие вот люди собрались у Аскерова. Но помимо них были и малознакомые, с

которыми Вагрин сталкивался редко. Чуть полноватая дамочка, привлекательная блондинка с весьма недурственным бюстом, Аллочка Смирнова, любовница Шарукана, и его подпольный казначей. Пара молодых парней, родственники Аскерова по материнской линии, приехали с Украины. Средних лет интеллигент, главный медик команды Валерий Ильич Арцыбашев. И пожилой дядечка, почти старик, длинноволосый и совершенно седой. Это крёстный Аскерова, очень близкий ему человек, вор в законе Миша Колыван, который несколько лет назад отошёл от дел. Именно с его подачи Шарукан стремительно поднялся после возвращения из армии, где вместе с Вагриным служил в одном разведвзводе. А потом начал развивать криминальные таланты, за год отбил себе несколько кормушек и заимел нехилый авторитет. Итого: вместе с хозяином дома одиннадцать человек.

– Проходи, проходи. – Аскеров слегка подтолкнул Вагрина в спину и усмехнулся: – Не стесняйся, все свои.

Сделав пару шагов вперёд, Андрей Иванович кивнул и поприветствовал честную компанию:

– Добрый день, господа и дамы.

Кто-то ему ответил, но большая часть промолчала. Надо сказать, что ближние люди Шарукана недолюбливали Вагрина. Для них он – тёмная лошадка и человек со странностями, сам себе на уме. А чего не понимаешь, того опасаясь, и его считали личным ликвидатором Шарукана, что было близко к истине. Они – клан хищников, а Вагрин рядом. Вроде бы свой, но в то же время отдельно. И если бы не Шарукан, который никогда не забывал, как Вагрин вытащил его, раненного, из-под огня духовского пулемёта, они давно его загрызли бы. Впрочем, это не важно.

Вагрин сел рядом с Вепрем и приготовился слушать Шарукана. Интересно же, ради чего сбор. А тот не стал тянуть время, включил телевизор, выбрал американский новостной канал. А там опять разговоры об эпидемии. Почерневшие трупы в ужасных струпьях и гнойниках. Вооружённые полицейские кордоны, солдаты Национальной гвардии и много военной техники. Переполненные полевые госпитали и больницы. Горящий Нью-Йорк. Сюжеты из Лос-Анджелеса, Филадельфии и Бостона. Банды мародёров. Озабоченные политики и учёные мужи в белых халатах, которые уверяли население, что ситуация под контролем и лекарство вот-вот появится.

Новости смотрели несколько минут. После чего Аскеров выключил телевизор и сказал:

– Значит, так, друзья мои. Слушайте, запоминайте и не говорите потом, что ничего не слышали. Пару недель назад один сумасшедший тип, некто Фредерик Стюарт, сотрудник Школы общественного здравоохранения Роллинса, смог проникнуть в лабораторию CDC – это Центр контроля и профилактики заболеваний рядом с городком Друид-Хиллс неподалеку от Атланты. Он когда-то там работал, но у доктора поехала крыша, и его отстранили. Но он не успокоился и смог похитить модернизированный вирус чёрной оспы. По сути, это боевой вирус-модификант. И он уже в бою. Сумасшедший доктор распылил вирус над Нью-Йорком, и спасения от него нет. Не существует вакцины и чудодейственных лекарств. Мир никогда уже не будет прежним, и грядет апокалипсис. Это я заявляю вам не только как ваш друг. Но и как депутат, который вчера вечером присутствовал на закрытом заседании одной хитрой комиссии, где обсуждалась данная проблема.

Аскеров прервался, и Миша Колыван поторопил его:

– Короче, что ты предлагаешь?

– Моё предложение в следующем. Необходимо затихариться и отсидеться подальше от

людей в укромном месте. – Шарукан усмехнулся. – Такое место имеется. Как вам известно, одно время я бредил тем, что наступит апокалипсис: война придёт, землетрясение случится, потоп всех накроет, прилетят инопланетяне или в Землю ударится крупный метеорит. Поэтому готовился к подобному варианту. Однако потом перерос эту чепуху и всё забросил. А теперь, как выясняется, зря.

– Что за место? – задал вопрос Утёс.

– Старый военный бункер на севере. Если точнее – в Ненецком автономном округе. Была когда-то у наших вояк идея основать заглубленный командный пункт для особо важных персон, и бункер почти построили. Потом перестройка, объект бросили, и пару лет назад я вполне официально выкупил его у Министерства обороны. После чего на базе провели ремонт, модернизацию и создали склад. Кстати, наш корешок, – он кивнул в сторону Вепря, – жил там долгое время и отвечал за состояние бункера.

Вепрь кивнул и пробурчал:

– Так и есть.

Аскеров продолжил:

– Что будет дальше, я вижу чётко. Эпидемию не остановить. Её даже сдержать не получится. Первые заражённые уже в России, в Москве, Питере и Новосибирске. Мир замер перед бездной, и вскоре всё покатится в тартарары. Миллиарды умрут. Миллионы выживут. Все или почти все достижения цивилизации будут забыты, и люди начнут убивать друг друга. За патроны. За топливо. За одежду и транспорт, а то и просто по прихоти. Для меня это непреложный факт. Но я надеюсь, что наступит день – и человечество снова вернёт себе былое величие. Когда это произойдёт – неизвестно. Однако я хочу, чтобы наши дети уцелели. Не только мои, но и ваши. Поэтому собрал вас, людей, которым могу доверять, и делаю предложение отправиться со мной. У кого есть вопросы, задавайте.

Руку поднял Арцыбашев:

– Разрешите?

– Да, – кивнул Шарукан.

– Это точно, что заражённые уже в России?

– Точно.

– Много?

– Уже больше сотни только зарегистрированных случаев.

– Что планирует правительство?

– Ничего. В высших эшелонах власти царит растерянность. Президент и министры собираются бежать. Как и я, они намерены пересидеть опасное время в убежищах. Благо укромных и безопасных мест хватает, страна у нас огромная. На Алтае, говорят, целый подземный город есть. Помимо того, существует множество секретных объектов, бункеров и пещер. Так что народа уцелеет немало.

– А как же простые люди? – В растерянности доктор развёл руки.

Шарукан поморщился:

– Граждане страны будут предоставлены сами себе. Лекарства, как уже было сказано, нет и не предвидится. Миллионы людей не спрятать, для этого нет возможности. Следовательно, уцелеют только богатые, удачливые и счастливики, имеющие иммунитет. По прогнозам наших учёных, которые связались с американскими коллегами, таковых будет пять – восемь процентов, не больше.

– Что известно о вирусе? Как он распространяется?

Вирусная инфекция передаётся воздушно-капельным путём и через кожу. Бактерии могут жить сами по себе, в частичках кожи, не менее полугодом. Больные умирают на пятый-шестой день. Даже тем, кто был привит, ничто не помогает: ни хвалёный метисазон, ни мощные антибиотики, ни плазмоферез, ни ультрафильтрация, ни введение коллоидных растворов. Американская медицина, без преувеличения, наверное, самая лучшая в мире, но и она ничего не может противопоставить вирусу. До сих пор нет ни одного человека, кого бы предъявили как пережившего седьмой день, а количество заражённых людей, каждый из которых становится вибрионосителем, растёт в геометрической прогрессии. Такова информация, которой я владею.

– Прогнозы есть, когда вирус накроет Москву?

– Самые приблизительные. Через пару дней правительство будет вынуждено объявить, что мы тоже под угрозой. После чего наступит хаос, и город попытаются закрыть. Хотя бы частично. Осталось сорок восемь часов. Максимум. И это время необходимо использовать с полной отдачей.

Доктор кивнул:

– У меня вопросов больше нет.

– Кто следующий? – Шарукан посмотрел на своих верных товарищей.

– Пожалуй, я, – вступил в разговор Наёмник. – Почему ты решил спасти именно нас?

– А тебя что-то не устраивает? – Аскеров сделал к нему шаг и навис над Наёмником.

– Все в порядке, Шарукан. – Убийца поморщился и пожал плечами. – Просто разобраться хочу. Сам посуди. Ты имеешь базу, деньги и ресурсы. Мы под твоим командованием. Но вот в чём заковыка: в этой комнате собрались не самые смирные люди. Честное слово, тебе проще набрать работяг, которые слова поперёк не скажут. С ними спокойней.

Ты прав, – улыбнулся Аскеров. – Проще взять послушных рабочих, может, даже с семьями. Однако мне нужны не просто болванчики, а соратники, товарищи, друзья. Я вижу общую картину того, что произойдёт, но не знаю, что ожидает нас в будущем. Поэтому требуются люди, которые умеют не только работать, но и стрелять, самостоятельно принимать решения и выживать. А работников наберём, не переживай. Такое объяснение тебя устраивает?

– Вполне.

Снова вопрос задал Колыван:

– Когда мы должны выдвинуться?

– Завтра в полдень общий сбор с семьями и детьми. Здесь, у меня. Брать только близких.

Лишние вещи бросить, новые добудем. Вылет в тот же день.

– Куда летим?

– В Нарьян-Мар.

– А дальше?

– Колыван, – Шарукан поймал взгляд своего наставника, – ты знаешь, что я тебя уважаю.

Но координаты бункера сообщу только в воздухе.

– Перестраховываешься?

– Да.

– Что же, это твоё право. Лично я тебе верю, тем более что сам об эпидемии уже кое-что слышал, и ты не первый, кто предупреждает об опасности. Поэтому отправлюсь с тобой. Мне-то что? Я старый. Но у меня внуки. Ради них я обязан жить.

– Это правильно.

Все молчали, и наступила очередь Вагрина.

– Насколько велик бункер? Сколько людей примет?

– Сто двадцать человек смогут без особых проблем прожить три года.

– Серьёзно. А как с припасами?

– Всё есть. На пять лет.

– Одежда, снаряжение?

– Кое-какие запасы уже сделаны. Но сегодня и завтра закупим ещё.

– Топливо?

– Есть.

– Связь?

– Имеется мощная радиостанция и соединение со спутником.

– Транспорт?

– Без проблем. Тракторы, вездеходы и даже пара бэтээров. А невдалеке ангар: там вертолёт, а также катер.

– Что за вертолёт?

– МИ-8, гражданский. Ты ведь умеешь им управлять?

– Занимался в авиаклубе. А как с оружием?

– Договорено. Перед самым отлётом привезут сотню автоматов, карабины, СВД, гранаты, РПГ-7, РПО и мины.

– Откуда такое богатство, не скажешь?

– Пока нет.

– А по деньгам что? Может, нам сброситься в общую копилку?

Аскеров махнул рукой:

– Забей. Скоро деньги превратятся в пустые фантики, просто цветные бумажки.

– Ладно. От нас что-то требуется, дополнительно?

– Я уже сказал: ничего. Главное – люди. Так что готовьтесь и собирайтесь.

Кивком обозначив, что всё понял, Вагрин замолчал. Дальше Шарукану задавали вопросы другие участники собрания. Но он их не слушал, а размышлял.

Шарукан не врал. Он мог ошибаться или преувеличивать опасность грядущей катастрофы. Но Аскеров был уверен в том, о чём говорил, и Вагрин ему поверил.

В конце концов, он ничем не рисковал. Следовательно, мог позволить себе поездку на север. Будет эпидемия или нет, он в безопасности. А вернуться никогда не поздно. Поэтому предложение Аскерова нужно принимать.

Конечно, Вагрин индивидуалист и мог выбрать свою тропку. Шансы на выживание у него были выше среднего, и можно залечь где-то в Подмоскowie или дальше, выкопать блиндаж в укромном месте, сделать запасы и наблюдать за апокалипсисом со стороны. Или отправиться на Урал, пока самолёты летают, залечь в горах и пересидеть чуму. Но как долго он сможет выжить один? Месяц, два, три. Это без проблем. А дальше-то что? Наступит зима, и сидеть в дебрях одному не интересно, скучно и опасно. Случись что, и помочь некому. А в бункере, если всё сделано по уму, тепло, безопасно, сытно и есть с кем поговорить. Опять же бабу можно взять с собой, знакомых красоток хватает. Глядишь, ребёнка родит. А ещё есть племянник, которого бросать не хотелось, ведь это единственный родственник...

Тем временем обсуждение будущего побега из цивилизованного мира подошло к концу, и Аскеров, повысив голос, спросил:

– Итак, кто со мной?

Отозвался Колыван:

– Ты моё слово слышал. Если есть список, пиши меня и двух мальчишек, десять и девять лет. Со мной ещё воспитательница. – При этом он так усмехнулся, что всем стало ясно – воспитательница нужна старому авторитету не только для ухода за детьми. Но это его дело. Личное.

Следующим высказался Утёс:

– Мы с Сержем принимаем предложение. Со мной брат, трое детей и две женщины. С Сержем жена, мать и две дочери.

За ними высказался Вепрь:

– Моя семья уже на базе. Кроме меня баба, сын и дочь.

Далее очередь Наёмника:

– Я с вами. Буду один.

Потом слово сказала Аллочка Смирнова:

– Принимается. Я с матерью и отцом.

Тишина. Все посмотрели на доктора, и Арцыбашев покачал головой:

– Как хотите, а я останусь. Если эпидемия будет, врачи больше нужны здесь.

– Ильич, не дури! – Аскеров подскочил к нему и встряхнул доктора за плечи.

Арцыбашев высвободился из захвата и снова покачал головой:

– Нет.

– Это твоё последнее слово?

– Последнее.

– Ну и дурак. Ты понимаешь, что второго такого шанса не будет?

– Понимаю. Но иначе поступить не могу. Вам-то что? Вы люди тревожные. Наверное, вам лучше на севере спрятаться, меньше крови прольётся. А я не могу уехать. Просто не могу. Иначе меня совесть загрызёт.

– Как знаешь. – Шарукан отступил от врача и спросил его: – Надеюсь, ты осознаёшь, что лишнего болтать не надо? По крайней мере, пока мы не покинем Москву.

– Не мальчик. Знаю, что бывает, когда язык развязывается.

– Вот и ладно. – Аскеров тяжело вздохнул. – Но при таком раскладе на сутки ты мой гость.

Доктор поморщился и согласился:

– Как скажешь.

«Молодец, доктор, – подумал Вагрин, глядя на Арцыбашева. – Пожалуй, он единственный, кто поступает не по здравому рассуждению, а по зову сердца. Жаль его, пропадёт. Так всегда, идеалисты погибают первыми».

Аскеров посмотрел на Вага:

– Андрюха, а ты что скажешь?

– Я с вами. Буду с племянником и женщиной.

– Добро. – Депутат ещё раз оглядел соратников. – Что касается меня, со мной охранники и техники, а также супруга, дети и родня. Больше тридцати человек. Это для начала. Потом ещё поселенцев подвезём, коли понадобится. Я так думаю. А пока расклады такие. Встречаемся завтра в полдень. О наших планах не болтать. Правительству, милиции и спецслужбам не до нас, но осторожность необходимо соблюдать. Вдруг появятся конкуренты, которым мой бункер тоже стал интересен.

Когда я вошёл в казарму, то сразу столкнулся с недружелюбными взглядами двух сержантов-контрактников и понял, что сейчас меня начнут давить. В нашем взводе всего двадцать два человека. Из моего призыва только трое, остальные контрактники или прослужили год. Люди разные, и есть костяк обнаглевших старослужащих. Вот и развели дедовщину при попустительстве командиров, которые больше времени проводили за пределами части, чем с солдатами.

Двоих парней из моего призыва сразу сломали, надавили психологически, толпой, и они прогнулись. Поэтому теперь они убирают туалеты, звонят домой, чтобы родные поскорее прислали посылку, и бегают для «стариков» и «контрабасов» за сигаретами. А со мной так не вышло. Я упёрся и стоял на своём – приказы выполняю, а «просьбы друзей-сослуживцев» меня не касаются. Так что от меня отстали, и первые три недели я отслужил относительно неплохо. Здоровья хватало, в нарядах без залётов, спортивные нормативы сдавал – спасибо дядюшке, который заставлял меня заниматься рукопашным боем, ходить в стрелковый клуб и гонял за курево и пиво. Но вчера сержанты Алиев и Макаркин, двадцатипятилетние оболтусы, которые не нашли себя на гражданке, снова начали наседать, и я ответил резко. Потом заступил в наряд по кухне, сутки отстоял и, ожидая неприятностей, вернулся в расположение.

«Что теперь будет? – стараясь выглядеть уверенно и спокойно, я подошёл к своей койке и сел. – Наверняка ничего хорошего ожидать не стоит».

Взгляд скользнул по моей тумбочке, которая была приоткрыта, и я в неё заглянул. Пусто. Внутри ни вещей, ни зубной пасты, ни тетрадки с ручкой, ни иголки с ниткой, ни остальных мелочей, которые обязан иметь каждый солдат. Мне устроили мелкую пакость. Скорее всего, содержимое тумбочки выкинули в мусорку за казармой или поделили, и это только начало.

– Слышь, Ванятка, – рядом замерли Алиев и Макаркин, – подшиву свежую сделай.

На мою кровать упали два кителя, и я посмотрел на Магу Алиева, который это сказал и теперь нагло лыбился.

«Дегенераты, – подумал я, глядя на сержантов, и почувствовал, как в душе закипает злоба. – У одного волосы начинают расти от бровей, не иначе, кровосмешение. У другого морда неровная, родители алкаши. И эти мрази будут мной помыкать? А хрен вы угадали!»

Я стал впадать в бешенство, есть у нас такая семейная черта, и левой рукой отшвырнул униформу сержантов. Два кителя, совершив небольшой полёт, упали на пол, под ноги Алиева и Макаркина.

Те ошалели, ибо ничего подобного от «духа», который прослужил всего ничего, не ожидали. Но вскоре оклемались, и Макаркин закричал:

– Сука! Убью!

Что характерно для этого шакала, он первым в драку не полез, а предоставил эту «честь» Алиеву, который шагнул в проход между койками и попытался схватить меня за шею. При этом он что-то рычал на своём родном языке и казался очень страшным.

«Вы сами напросились», – промелькнула мысль, и я выхватил из кармана заранее припасённый большой металлический болт, который подобрал рядом с автопарком. Он отлично лёг в ладонь, пальцы сомкнулись, и я ударил сержанта в живот.

– А-а-а!!! – завопил Алиев и стал сгибаться.

Оттолкнув его плечом, я поднялся и нанёс ещё один удар, металлической основой болта сверху вниз по спине противника. Хотел замазать по позвоночнику, но попал в бок. Раздался хруст. Скорее всего, я сломал Алиеву ребро, возможно, не одно, и двинулся на Макаркина.

Второй противник растерялся. На полуслове оборвал ругательство и замер с открытым ртом, а я действовал на инстинктах, не размышляя о последствиях, и врезал кулаком ему по лицу. Болт по-прежнему был зажат в кулаке, и металлическая кромка славно прошлась по зубам «контрабаса». Снова хруст, и зубовой скрежет.

Потеряв несколько зубов, которые разлетелись по казарме, Макаркин рухнул на колени и зажал окровавленное лицо ладонями.

Разворот. Несмотря на сломанные рёбра, Алиев пытался подняться, но мой ботинок соприкоснулся с его подбородком, и сержант опять упал.

«Остановись!» – отдал я себе команду и замер.

И сделал это очень вовремя. Ещё бы немного, и я стал бы добивать противников. После чего от них осталась бы груда мяса и поломанных костей.

Чтобы успокоиться, мне понадобилось около минуты, и всё это время мои сослуживцы, которые присутствовали в расположении и наблюдали за дракой, сидели тише воды, ниже травы. Причём ни один не посмел посмотреть мне в глаза.

– Слабовольные скоты, – пробурчал я себе под нос. – Стадо баранов.

Плюнув в Макаркина, который продолжал стоять на коленях, я вышел из казармы и уселся в беседке. И тут меня стал колотить озноб. Пошёл отходняк.

Впрочем, он был недолгим. Вскоре я окончательно пришёл в норму и, наблюдая за тем, как сослуживцы помогают сержантам добраться до санчасти, задумался.

Итак, что мы имеем?

Молодой солдат Иван Александрович Вагрин избил двух сержантов-контрактников – это ЧП.

Что дальше? Вариантов немного.

Первый – самый простой. Командование постарается замять дело на уровне батальона. Алиев и Макаркин станут числиться получившими лёгкие травмы во время несения службы, а затем спокойно, тихо и мирно разорвут контракты и отправятся домой. Один в горный дагестанский аул. Другой в городские трущобы средней полосы России. Или, при самом благоприятном развитии событий, после отпуска они переведутся в другую часть. Разумеется, если договорятся с комбатом.

Второй путь – трудный, невеселый и печальный для всех, кого он коснётся. Делу дадут ход – и понеслось. Военная прокуратура. Сбор свидетельских показаний. Огласка в СМИ. Борьба с проявлениями дедовщины и многочисленные проверки, которые выявят кучу нарушений. С кого-то снимут звёздочку на погонах или сами погоны. А сержантов могут посадить. Или не посадить, если крайним решат сделать меня. Мол, я неадекватный психопат. Тем более я физически не пострадал. Но тогда конечно же подключится дядька Андрей, и я всё равно выйду сухим из воды.

В общем, расклад примерно такой, и у меня в голове сформировалась мысль, которая не давала мне покоя последние дни:

«Какого, спрашивается, я вообще отправился служить?»

Понятное дело – перед глазами всегда пример дядьки, здорового и сильного человека, который успел повоевать. А ещё память об отце, кадровом офицере, который погиб на Кавказе во Вторую чеченскую. Потому я и решил отдать долг родине, как патриот и

гражданин. Дядька хотел меня в МГУ пристроить, а я пошёл в военкомат и попросился в спецназ, разведку или ВДВ. Но вместо этого, как мне думается, с подачи дядьки Андрея, оказался в Подмоскowie, в «придворной» мотострелковой части...

Прерывая мои размышления, появился взводный, лейтенант Романюк, который вбежал в беседку и завопил:

– Встать! Смирно!

Я спорить не стал. Встал и вытянул руки по швам.

– За мной! Объяснительную писать!

Широким шагом лейтенант направился в штаб роты, и я двинулся за ним.

Гости Аскерова разошлись, и во дворе Андрей Иванович Вагрин перекинулся парой слов с Наёмником. Они ещё раз обсудили ситуацию, а затем расстались, каждый отправился по своим делам. Что характерно, действовали все спокойно, никто не показывал слабости. Сказать нечего, сильную команду сколотил Шарукан. Что есть, то есть. Подбирать людей он умел.

Спустя десять минут Вагрин возвращался в Москву. В радиоприёмнике тихо играла музыка, а он размышлял о приходе апокалипсиса, и мысли его текли легко, ровно и плавно. Волнения не было, и, представив себе, что начнётся в столице через пару дней, он даже улыбнулся.

Обыватели всю жизнь пахали, трудились и тянули в свои пещеры (квартиры или дома) барахло. Они брали и отдавали кредиты, стремились улучшить быт и материальное благосостояние. Хвалились друг перед другом успехами, поездками на море и заграничные курорты, сумками от брендовых производителей, нарядами, костюмами и машинами. Всё как всегда. И вот наступает час испытаний. Надвигается болезнь, от которой нет спасения, и она не станет разбирать, кто злодей, а кто праведник. Повезёт – иммунитет выдержит удар. Не повезёт – мучительная смерть. Игра с минимальными шансами на выигрыш, и Вагрин никого не жалел.

Почему так? Наверное, по той простой причине, что в жизни он видел мало добра и рано стал циником. Поэтому не верил в любовь и сторонился тех, кто предлагал ему дружбу. Всегда был одиночкой, не признавал авторитетов и редко совершал поступки, которые не приносили никакой выгоды. Хотя такое случалось, ибо все мы люди и человеки, а значит, ничто человеческое нам не чуждо. Особенно если вопрос касался кровной родни. И пока его ровесники горбатились на чужого дядю, женились и обзаводились семьями, он двигался в стороне от общих троп, брал, что хотел, и платил за секс наличкой. Так что терять ему было нечего, ведь он практически ничем не дорожил. Квартира? Пропади она пропадом. Машина? Плевать, если понадобится, добудет новую, купит или отнимет у слабого. Вещи? Голым человек приходит в мир и голым из него уйдёт. Деньги? Есть пятьдесят тысяч долларов, но Шарукан прав – скоро они потеряют цену. Как золото и драгоценные камни. Поэтому свой путь Анд рей Иванович видел достаточно чётко. Никого постороннего предупреждать о надвигающейся болезни не надо и вещей с собой брать следует не много: сумка с одеждой, ещё одна со снаряжением, немного денег на первое время и оружие. Шарукан хоть и говорил, что стволы будут, но лучше перестраховаться. Значит, придётся заехать на съёмную квартиру, где у Вагрина собран неплохой арсенал.

А теперь, что касается спутников. Вагрин остановился возле знакомого придорожного кафе и вышел. Сел на свежем воздухе за столик под тентом и заказал кофе с пончиками. Пока официантка, смуглая азиатка, ходила на кухню, пролистал записную книжку мобильного.

– Наташа, – задумчиво почесав кончик носа, произнёс он, вспомнил, кто она такая, и набрал номер.

– Слушаю, – раздался в трубке мелодичный женский голос.

– Привет, лапочка, – сказал Андрей Иванович.

– Здравствуй. – Краткая пауза и продолжение: – Ты давно не звонил.

– Бизнес, – усмехнулся Вагрин. – Что сегодня и завтра делаешь?

Опять пауза и ответ:

– Ты извини... У меня сейчас другой мужчина... Не звони больше... Пожалуйста, оставь меня в покое... Я больше не работаю...

– Понятно.

Вагрин без всякого сожаления отключился и двинулся дальше по записной книжке. Тем временем принесли заказ, и он, прихлебывая маленькими глотками кофе, набрал следующий номер.

– Аллё... – послышался в динамике голос слегка выпившей развязной девицы.

– Анжела?

– Вы ошиблись! – Голос девицы стал трезвее, и Анжела отключилась.

– Понятно, – опять повторил Вагрин и набрал третий номер, по которому ему никогда не отказывали.

– Андрей Иванович? – В голосе девушки ему почудилась надежда, что звонит именно он.

– Да, – ответил он.

– Вам что-то нужно?

– Мне нужна ты.

– Я должна подъехать?

– Сам подъеду.

– Сейчас?

– Завтра утром. Возьми вещей с расчётом на три-четыре дня. Сама понимаешь, что нужно. Не маленькая. Но много барахла не бери.

– Мы куда-то поедем?

– К морю.

– Буду ждать.

– До встречи.

Отключившись, Вагрин приступил к горячим пончикам, которые любил с детства. А когда он закончил, обтёр салфеткой жирные руки, допил кофе и сделал новый звонок, начштаба батальона, в котором служил его племянник.

Офицер ответил сразу:

– Господин Вагрин?

– Он самый.

– А я как раз хотел вам звонить.

– Что-то случилось?

– Дело серьёзное. Ваш родственник сильно избил двух сослуживцев.

– Крепко их поколотил?

– Одному пять зубов выбил, а второму сломал челюсть и два ребра.

– Кто они?

– Сержанты-контрактники.

Майор Лабазин, который устроил Ивана Вагрина служить в подмосковный батальон и планировал со временем пристроить молодого бойца при штабе, ожидал, что Андрей Иванович начнёт нервничать и сразу предложит ему денег. Однако реакция Вагрина-старшего его удивила. Он рассмеялся, весело и беззаботно, потому что племянник снова напомнил ему самого себя в далёкой юности. Хотя денег майору он предложил.

– Я хочу забрать племянника. На один день.

– Это невозможно. Андрей Иванович, вы понимаете, что он натворил?

– Понимаю. Сколько?

– Что значит «сколько»? – Майор включил дурака.

– Сколько денег ты хочешь, чтобы через час Ванька вместе со мной уехал в Москву.

– Я не понимаю вас...

– Короче, – Андрей Иванович оборвал майора, – если тебе деньги не нужны, так и скажи. Тогда я позвоню комбату, он от вечнозелёных баксов не откажется. А ещё могу набрать начштаба полка или комполка. Так что не юли. Спрашиваю ещё раз – сколько?

Лабазин немного помолчал и ответил:

– Десять тысяч... Это за всё... Дело замнём, и ваш племянник может в ближайшие месяцы вообще в части не появляться...

Такая сумма при себе у Вагрина-старшего была, и он сказал:

– Принимается. Через сорок минут я буду возле КПП батальона. Выводи Ивана, расчёт на месте.

– Приятно иметь с вами дело, – несколько заискивающе произнёс майор.

Вагрин отключился и пробурчал под нос:

– А мне с тобой даже по телефону разговаривать неприятно... Крыса...

Расплатившись за кофе и пончики, Андрей Иванович вернулся в машину и отправился вытаскивать племянника, которому сегодня предстояло узнать о своём единственном родственнике много нового.

Командир взвода привёл меня в штаб, и я рассказал ему, из-за чего началась драка. Потом такой же разговор, но уже с ротным. А затем ещё один, на этот раз с начальником штаба батальона. Потом стал писать объяснительную. Изложил всё, что произошло в казарме, и передал бумагу майору Лабазину. После чего он приказал следовать за ним. Мы вышли за ворота части, и здесь я увидел дядьку Андрея.

– Садись в машину, – бросил родственник, и я подчинился.

Усевшись, взглянул в окно. И что же я увидел? Спокойно, словно так и надо, с улыбочкой дядька Андрей передал Лабазину пухлый конверт, в котором наверняка были деньги, и сел за руль.

– Поехали? – Он покосился на меня.

Я пожал плечами:

– Поехали.

Машина выбралась на трассу, мы свернули к Москве, и я спросил:

– Ты меня откупил?

– Да.

– Сколько отдал?

– Мелочь, – поморщился он.

– И всё-таки?

– Десятку.

– Долларами?

– Ну не рублями же.

– Я отработаю и отдам.

– Дурак, что ли? Мы с тобой одной крови. Так что забудь.

– Зря ты в это дело вмешался. Мне бы ничего не было.

– Знаю.

– Тогда зачем эта суета?

– Ты мне нужен.

– Серьёзно?

– Более чем.

– Объяснишь, в чём дело?

– Обязательно. Самое время поговорить открыто.

Голос Андрея Ивановича был суров, и я невольно напрягся. Приготовился услышать что-то по-настоящему важное и услышал, потому что родственник и в самом деле был предельно откровенен.

Начиная с шестнадцати лет, после смерти матери, которая последние годы тосковала по отцу и тяжело болела, я жил один. Но дядька Андрей постоянно находился неподалёку, и я чувствовал его поддержку. Поэтому старался на него походить: поступками, словами, делами и даже походкой, неспешной и уверенной. Однако, чем он занимается, я не знал. Вроде бы бизнесмен. Но когда я спрашивал, в чём его бизнес, Андрей Иванович отшучивался. А теперь выясняется, что он «консультант по вопросам безопасности» у крутого бизнесмена и депутата Аскерова. Но это маска и прикрытие, а на деле он бандит и убийца.

Надо сказать, что меня это не расстроило и даже не смутило. Во-первых, Андрей

Иванович – единственный близкий мне человек, а родственник в глазах другого родственника не может быть плохим. По крайней мере, для меня. Конечно, всегда есть какие-то внутренние трения и проблемы, но это остаётся в семье, а против внешнего мира родичи должны выступать единым фронтом, ибо таков закон природы – своя стая важнее любых законов. А во-вторых, благодаря кинофильмам и тому, что происходило в обществе последние десятилетия, образ преступника уже не казался ужасным. И на фоне вороватых чиновников, наглых олигархов и оборотней в погонах они порой выглядели гораздо привлекательней. Да и какие сейчас преступники? Всё относительно. Вчера спортсмен, сегодня бандит и криминальный авторитет, а завтра уже депутат с красной корочкой и под охраной полиции. Так что моё отношение к дядьке Андрею не изменилось.

Впрочем, краткая история его жизни была предисловием, а главная тема шла в конце. Вот-вот из-за вируса-модификанта мир погрузится в эпидемию и хаос, и дядька получил приглашение пересидеть смутное время в глубоком комфортабельном бункере. А поскольку есть запасные места, он берёт с собой меня и свою любовницу Машу. Хотя правильной будет сказать, что она его рабыня. Несколько лет назад он откупил её от очень серьёзных проблем, и с тех пор девушка всегда, когда Андрей Иванович пожелает, рядом.

Такие вот дела, и мои армейские проблемы на фоне того, что скоро накроет мир людей, мелочь. Поэтому понятно, что на службу я уже не вернусь. Даже если вирус не убьёт девяносто пять процентов населения Земли, как предсказывают аналитики на службе государства, цивилизация упадёт на колени, и долгое время никому не будет интересно, куда подевался рядовой Иван Вагрин.

– Что скажешь, племяш? – завершив свой рассказ, спросил родственник.

– Я с тобой.

– Вот и отлично. Сейчас заедем в одно место, подберёшь себе кое-что.

– В смысле – «кое-что»?

– Увидишь.

Мы замолчали, каждый стал думать о своём. А спустя полчаса мы въехали в столицу, немного покатались по окраинам и остановились возле старой пятиэтажки.

Вышли. Поднялись на третий этаж, и Андрей Иванович открыл дверь квартиры своим ключом. Прошли внутрь, и ничего интересного я не обнаружил. Старая мебель. Древний ламповый телевизор и не менее древний холодильник. Запах нежилой. Кругом пыль, и заметно, что здесь давно никого не было.

Однако дядька привычными движениями легко разобрал большой тяжёлый шкаф, и я увидел, что он имеет двойное дно. Это был схрон Андрея Ивановича, и в нём обнаружили оружие, боеприпасы, взрывчатка, деньги и пакет с документами.

– Выбирай, что нравится, – сказал родственник и начал выкладывать на продавленную кровать стволы.

Я наблюдал за ним и одновременно выбирал оружие по душе.

Есть два «стечкиных» и к каждому глушитель, несколько магазинов и приклад-кобура. Также два «макаровых», один ТТ, автоматы АКМС и АКСУ, разобранный винтовка СВД и непонятно как оказавшийся у Андрея Ивановича новенький спецназовский ВСС. Плюс к этому несколько гранат Ф-1, пара РГД-5 и три РГН. А также пачки и цинки патронов, брикеты тротила и детонаторы. Выбор не особо велик, но глаза разбегались, и, заметив, что дядька взял себе «стечкина», я тоже решил взять этот пистолет, а также ВСС и три гранаты.

– Губа не дура, – ухмыльнулся дядька, посмотрев на «винторез». – Только лучше тебе

взять АКС.

– А можно три ствола?

– Конечно.

Я улыбнулся и забрал АКС. После чего мы стали собираться. Помимо пистолета родственник прихватил АКМС и оставшиеся гранаты. Остальное, что не поместилось в объёмную сумку, он спрятал обратно в тайник и собрал шкаф.

– Всё? – Взгляд Андрея Ивановича скользнул по квартире.

– Рюкзак нужен, – сказал я. – А ещё разгрузки, наколенники, налокотники, радиостанции и, вероятно, бронежилеты с касками. Мы, конечно, не на войну собираемся. Но всё может быть, времена грядут смутные.

– А-а-а... – махнул он рукой. – Всё это у меня дома есть, в двойном комплекте. Так что не переживай, подберём, что нужно. А если чего не хватит, ночью будет время подумать, и утром заедем в хороший магазин.

Я кивнул. Дядька – человек опытный. Значит, он ведущий, а я ведомый.

Мы покинули квартиру, оказались во дворе, и Андрей Иванович, посмотрев на солнце, сказал:

– Дело к вечеру, а у меня дома, кроме чая, кофе и печенья, ничего нет. Заедем в ресторан поужинать?

В животе заурчало, и я спросил:

– А нас пустят?

На мне грязный камуфляж с пятнышками крови на рукавах, а дядька в мятом светлом костюме. Видок так себе, не презентабельный. Но он усмехнулся:

– Со мной пустят. Поехали.

Через сорок минут остановились возле солидного ресторана рядом с домом дядьки. Охранники, которые знали Андрея Ивановича, молча пропустили нас внутрь, и мы сели за столик. Сделали заказ: борщ, жареное мясо, соусы, салаты и соки. На стол накрыли быстро, и, поглощая отменно приготовленные блюда, я позабыл обо всём. Но родственник напомнил, что скоро случится.

– Ванька, – отодвигая пустые тарелки, обратился он.

– Чего? – Я посмотрел на него.

– Только представь себе: это ведь последний спокойный вечер, и, возможно, больше мы никогда не окажемся в ресторане. Скоро всё закончится. На улицах трупы, переполненные морги и больницы, безнадёга и никакой надежды на спасение. Что станет с людьми? Они озвереют и станут подобны животным. Одни – мясо. Другие – хищники.

На миг я перестал жевать и посмотрел в зал. Солидные люди и красивые женщины ели, пили вино и вели неспешные разговоры. Но скоро всё это накроется медным тазом и они, словно крысы с тонущего корабля, побегут из столицы. А мы в это время будем далеко и станем наблюдать за ними по телевизору или через Интернет.

Представив нарисованную дядькой страшную картину, я вздрогнул. По коже побежали мурашки, а короткие волосы на затылке зашевелились. Помрачневшему родственнику, судя по всему, тоже стало не по себе.

Я тряхнул головой, прогнал видение и снова уткнулся в тарелку, уже без всякого аппетита доедая мясо. Короче говоря, настроение себе и мне дядька подпортил.

После плотного ужина мы приехали к Андрею Ивановичу и стали готовиться к походу. То есть чистили оружие, подгоняли разгрузки и составляли список того, чего нам не хватает.

На Москву опустилась ночь, и столица затихла. Все нормальные люди заснули, но генерал-майор Валерий Аркадьевич Голиков не спал. Он уже был в курсе того, что правительство покидает столицу, а вслед за президентом и министрами готовятся к отъезду люди рангом ниже. Драгоценное время уходило, и генерал ФСБ, подтянутый брюнет в строгом мундире, нервными шагами ходил по кабинету и ждал звонка от своего подчинённого. В отличие от большинства коллег, которые были намерены и дальше оставаться в системе, дабы выполнять приказы, он решил соскочить. К чертям собачьим службу государеву! Хватит! Надо подумать о себе и найти безопасное место, о котором никто не будет знать.

Варианты у генерала имелись. Но только что подвернулся ещё один, более интересный, и Голиков нервничал. Ему не хотелось прятаться в пещерах Урала, на безлюдных северных островах или в заброшенном подмосковном подвале, который требовал ремонта. Ведь он, как и многие люди его уровня, уже привык к комфорту. Поэтому, узнав о бункере депутата Аскерова, который несколько лет назад находился у него в разработке, Голиков сразу понял: это именно то, что нужно. Правда, до сих пор точно неизвестно, где бункер находится. Но разве это проблема для настоящего генерала? Конечно же нет. Достаточно отдать приказ, и подчинённые добудут необходимую информацию.

На мгновение остановившись, Голиков покосился на портрет президента, который висел на стене, и ему показалось, что глаза первого человека в государстве наблюдают за ним.

«Нервы лечить надо, а то мерещится всякая чепуха». Генерал тряхнул головой, а затем подмигнул Верховному главнокомандующему, усмехнулся и посмотрел на телефон.

– Где этот Иваньков? – сам себе под нос пробурчал он. – Совсем мышей не ловит...

Генерал отвернулся и хотел подойти к окну, но именно в этот момент наконец-то затрезвонил телефон.

– Голиков на проводе, – поднял трубку генерал и услышал голос полковника Иванькова, личного порученца:

– Валерий Аркадьевич, есть результат. Я узнал координаты бункера, который Аскеров у военных выкупил.

– Ну и где он?

Как вы и сказали, в Ненецком автономном округе. Северная часть Тиманского кряжа. Есть точные координаты и даже схемы бункера. Разумеется, старые, того, что успели построить вояки.

Генерал задумался. Быть или не быть? Вот в чём вопрос. Всё, как у принца датского Гамлета. С той лишь существенной разницей, что иноземного аристократа волновали вопросы совести и чести, а генерала – более приземлённые и вполне конкретные вещи. Решаться на операцию по уничтожению Аскерова и его группировки или лучше договориться с ним, провести своих людей в бункер и уже на месте зачистить тех, кто опасен? Как необходимо поступить? Вопросы более чем серьёзные...

– Товарищ генерал... Валерий Аркадьевич... – Голос Иванькова вернул Голикова в реальность, и он ответил:

– Да. Я слушаю.

– Так чего делать будем? Жду приказаний.

– Ибрагимов далеко от тебя?

– Рядом.

– Возьми все материалы по бункеру и группировке Аскерова – и ко мне. Оба. Спецназу – готовность номер один.

– Слушаюсь.

Иваньков отключился, и генерал, положив трубку, потёр ладони:

– В конце концов, живём один раз, и концы надо обрубать сразу.

С этого момента участь Аскерова и близких к нему людей, по мнению генерала, была предрешена. Единственное, чего он опасался, что вертикаль власти устоит и, когда настанет срок держать ответ за всё содеянное, его объявят дезертиром. Однако, вспомнив своих начальников, в большинстве самых обычных карьеристов и приспособленцев, прогнал эту мысль и подумал:

«Нет, система не устоит. Слишком она аморфна, и вскоре начнётся такой бардак, что всем будет не до меня. А если случится чудо и я окажусь не прав, всегда есть вариант договориться с тем, кто прижал тебя к стене и держит за яйца. Раньше получалось выкрутиться и теперь получится. Только бы Аскеров в одиночку не сбежал и не раздробил свою группу. Если брать его и его братков, то всех разом. Нанести один удар и прихлопнуть».

Мы с дядькой проснулись одновременно, ровно в 6.00. Особо не разговаривали – всё обговорили вчера. Привели себя в порядок и выпили кофе. Потом ещё раз перетряхнули рюкзаки и сумки и спустились. Погрузились в машину и доехали до ближайшего крупного магазина, который торговал спортивным инвентарём и туристическим снаряжением.

Андрей Иванович велел не задерживаться и денег не жалеть. Я пробежал с тележкой вдоль прилавков и сбросил в неё всё, что казалось мне нужным. Спортивный костюм – пригодится. Котелок, кружка и отличный многофункциональный швейцарский нож – понадобятся. Десантный рюкзак – дайте два, мне и дядьке. Складная сапёрная лопатка – нужная вещь. Фонарик и батарейки – в бункере жить собираемся, а там может отключиться электричество. Прибор ночного видения Dedal 490 DK3 с электронно-оптическим преобразователем поколения XR-5 DEP – беру. Отличный бинокль – надо брать, пока есть такая возможность. Аптечка – снова дайте две. Ботинки моего размера – запас нужен. Камуфляжная куртка и зимний маскхалат – тоже в тележку.

В общем, я закупился хорошо, почти на восемьсот тысяч рублей. Сумма приличная, но это уже не важно. И пока я бегал по магазину с тележкой, Андрей Иванович приобрёл две наплечные кобуры, тактические перчатки, упаковку носков, репелленты от комаров, наборы для рыбной ловли и пару автоматных ремней. Также пригодится. А помимо того он взял пару женских туристических костюмов, то есть о любовнице не забыл.

Магазин покинули с улыбкой, ибо затарились неплохо, и настроение, несмотря ни на что, было неплохим. У машин дядька остановился, потому что увидел знакомого, который грузил в новенький джип гору военного снаряжения, и позвал его.

– Коля! – Голос Андрея Ивановича разнёсся по стоянке, и человек, к которому он обращался, здоровый шатен, вздрогнул и резко обернулся. При этом его правая рука метнулась под пиджак.

Впрочем, он сразу успокоился, узнав дядьку, и подошёл.

– Привет, – улыбаясь, сказал он и кивнул на меня: – Сын?

– Привет. – Дядька пожал ему руку и подтолкнул меня к машине: – Это племянник.

Я не ушёл, как хотел Андрей Иванович, а замер в паре шагов и прислушался к беседе.

– Ты уже в курсе, что грядёт? – Андрей Иванович кивнул в сторону джипа.

– Так же, как и ты, – отозвался его знакомый, окинув цепким взглядом наши набитые товарами РД и свёртки.

– Далеко собрался?

– Не могу сказать. – Коля покачал головой. – Извини, Иваныч, не моя тайна.

– А может, координаты оставишь? Всё-таки мы с тобой не первый год знакомы, майор. Глядишь, ещё пригодимся друг другу.

Шатен, который, как только что выяснилось, оказался офицером, немного подумал и протянул дядьке визитку:

– По этому номеру несколько дней, а на обороте радиочастота – она будет прослушиваться нашими людьми. Ничего не обещаю. Но если смогу, помогу. А у тебя номер прежний?

– Да. Если что, ты тоже обращайся. Земля круглая.

– Мы поняли друг друга.

Они обменялись рукопожатиями и расстались.

Я дядьку ни о чём не спрашивал. Будет нужно, сам скажет, с кем мы пересеклись. Однако он промолчал, и вскоре, как и собирались, мы подъехали к дому Маши, которая уже была готова к путешествию. Как она считала, недолгому, на курорт, к тёплым морям. Однако, насколько я понимал ситуацию, если море и будет, то совсем не тёплое, и уезжаем мы минимум на год, но, скорее всего, на гораздо больший срок.

– Здравствуйте. – Маша подошла к машине и мило улыбнулась.

– Садись, – кивнул назад Андрей Иванович, не посчитав нужным хоть как-то её поприветствовать.

Девушка, которую я до этого момента видел раза три, закинула на заднее сиденье сумку и разместилась сама. Я бросил на неё взгляд и подумал, что она очень красивая. Так сказать, констатировал факт, ибо это правда. Брюнетка с большими глазами и немного наивным взглядом, стройная и женственная. Что ещё старшему родственнику надо? Не понимаю. Ему сорок лет. Как раз сегодня юбилей. А девушке двадцать четыре, и, если он предложит выйти за него замуж, Маша согласится без долгих раздумий. И дело даже не в том, что она ему по гроб жизни обязана. Нет. Я замечал, как она на него смотрит, и понимал, что девушка дядьку действительно любит. Впрочем, может, я ошибался. Какие мои годы? Опыта в общении с противоположным полом немного, были случайные связи с одноклассницами, но и только. Поэтому многое понимал неправильно и фальшивую улыбку мог принять за настоящую.

Тем временем, молча, Андрей Иванович тронулся с места. Москву мы покинули без проблем, хотя на выезде из столицы обнаружили усиленные посты вооружённых полицейских. Я даже напрягся, как бы нас не спеленали, ведь в багажнике оружие. Однако блюстители закона тормозили и досматривали автомобили, которые въезжали в Москву, а мы её покидали. Так что проскочили.

Загородный дом Шарукана, о котором дядька много рассказывал, когда мы добрались до него, был похож на разворошённый муравейник. Понаехало два десятка легковых автомобилей, в основном дорогих иномарок, пара автобусов, три фургона и несколько мотоциклов. И рядом крутились люди, которых оказалось гораздо больше, чем планировалось изначально. Опять же, со слов Андрея Ивановича. А поселковые соседи Аскерова, тоже не бедные люди, наверняка были в недоумении – я заметил, что за нами наблюдают из окон. Они не понимали, что происходит, и это логично, поскольку не всех допустили к тайне о грядущей катастрофе, и о ней эти люди узнают только завтра. Вместе со всей страной.

Машу оставили в машине, а сами прошли на территорию, где назвали свои фамилии мужичку, который составлял списки, и направились к хозяину дома. Аскеров, как ни странно, был совершенно спокоен. Он находился во дворе дома, возле мангала, и вместе с друзьями, которым убить человека – раз плюнуть, жарил шашлыки. Вот такой матёрый мужчина. Тут апокалипсис намечается, и Аскеров сорвал с места кучу серьёзных людей. Кто-то грузит в фургоны вещи, рядом ругаются женщины, плачет ребёнок. Шум, гам, сутолока, неразбериха, суета. А Шарукан сосредоточился на шашлыках и делал вид, что всё происходящее его не касается. Понимайте это как угодно. То ли он слишком в себе уверен, то ли ему на всё плевать, то ли он дурак. Пока непонятно. По крайней мере, мне.

– Привет. – Дядька присел на бревно рядом с мангалом. – Когда мясо будет готово?

– Ещё пара минут – и можно снимать.

– А винцом угостишь?

– Обязательно.

– Это хорошо. – Андрей Иванович кивнул в мою сторону: – Знакомься, племянник мой, Иваном зовут.

Взгляд Аскерова задержался на мне, и хозяин подмигнул:

– Здорово, воин.

– Здравствуйте, – отозвался я.

– Иди погуляй. Нам поговорить нужно.

Я посмотрел на родича. Он подтвердил приказ Шарукана, и я начал прогулку по особняку. Думал, может, ровесников встречу. Но нет – в основном малые дети или взрослые люди. Поговорить не с кем, все при деле. А поскольку толкаться и мешать грузчикам не хотелось, я вернулся в машину и попробовал разговорить красотку Машу.

Возле мангала остались только старые гвардейцы Шарукана. Самые преданные и неоднократно проверенные товарищи, друзья, партнёры и поделники. Никто не опоздал. Все здесь, и намечался серьёзный разговор, который должен был прояснить дальнейшие действия группировки. Однако Аскеров продолжал переворачивать шампуры, а Андрей Иванович, закрыв глаза, ладонями опёрся на покрытую травкой землю и поднял голову. Лето. Тепло. Воздух чистый. Благодать.

– За что ценю тебя, Вага, так это за непробиваемое спокойствие, – обращаясь к Андрею Ивановичу, сказал Шарукан. – Все, кто приехал, сразу налетели с кучей вопросов. А ты не такой.

– А чего суетиться? – отозвался Вагрин. – Ты здесь. Команда в сборе. Движение идёт. Погрузку вещей видел. Охрана обстановку контролирует. Значит, всё в силе. Разве я не прав?

– Прав. Но тебе ведь интересно, когда выдвигаемся?

– Да. Хотелось бы это знать.

Шарукан сделал знак приблизиться остальным компаньонам и, когда они подтянулись, дал более подробный расклад:

– Братва, все здесь, повторяться не нужно. Так что слушайте. Выезжаем через полтора часа. Сейчас мои ребята загрузят, что нужно, и поедем на частный аэродром. Дальше самолётом. На аэродроме нас ждёт Ту-134Б вместимостью восемьдесят пассажиров. Садимся и улетаем. Одна посадка в Сыктывкаре. Следующая остановка – Нарьян-Мар. И уже оттуда вертушками до конечной.

На Аскерова посыпались уточняющие вопросы. В основном мелочёвка, ибо основное сказано, и он, махнув рукой, остановил словесный поток:

– Ша, братва! Всё разъяснится по ходу дела. Это я вам говорю. Аэродром в семидесяти километрах, добираться будем по грунтовкам, окольными путями. На месте окажемся через час. Проверка исключена, обо всём договорено и всё оплачено. Поэтому, кто менжуется, может достать стволы, и прятаться не стоит. Наглеть и стрелять из окон в случайных людей не надо – это глупо. Полицию можно не опасаться, служак из области в столицу стягивают. Оружие, о котором я говорил вчера, уже летит на точку, отправил заранее. Все мобильники перед выездом отключить и сдать. Это на совести каждого. Они поедут отдельно от нас. Чего не ясно?

Братва замолчала, даже старый Колыван подчинился, и Шарукан стал снимать с мангала мясо.

Первая порция досталась Вагрину, и он подошёл к столу, на котором стояли соусы, приправы и хлеб. Затем появилась жена Шарукана, симпатичная смуглянка Вера, верная женщина, влюблённая в своего мужа и прощающая ему все измены. Она принесла чистые тарелки и три бутылки красного вина. Намечалась отвальная гулянка, и всё было как обычно. Серж и Утёс вместе. Вепрь и Наёмник одиночками. Аллочка Смирнова с каким-то молодым человеком, как выяснилось, новым медиком вместо Арцыбашева, которого выпустят из подвала ближе к вечеру. А Миша Колыван за спиной Шарукана.

Шашлык удался, вино было превосходным, и, несмотря на серьёзность момента, авторитеты расслабились. Было много шуток и смеха, попутно обсуждались новости. Что характерно, жён, родственников, детей и любовниц за этот стол не пригласили. Они

терпеливо ждали отмашку, и она поступила.

Через час пятнадцать минут после объяснений, куда именно нужно ехать, Шарукан отдал приказ выдвигаться. Гвардейцы разошлись, и Вагрин, подойдя к машине, обнаружил, что племянник и любовница, обсуждая какую-то новомодную кинопремьеру, улыбаются и ведут себя непринуждённо. Однако, увидев его, они замолчали, и Андрей Иванович поманил пальцем Ивана.

Племянник вышел, и Вага сказал:

– Сейчас выезжаем, надо приготовить оружие.

– Проблемы? – спросил Иван.

– Перестраховываемся. Мало ли что в дороге может случиться.

– Понял.

Вагрины открыли багажник и достали стволы. Старший накинул на плечи кобуру и пристроил в неё пистолет. Младший надел разгрузку и вооружился автоматом, набил карманы снаряжёнными магазинами и гранатами. Возле других автомобилей происходило то же самое. У кого помповое ружье или «сайга», а у некоторых иностранные «беретты» и новейшие автоматы. И дело даже не в том, что гвардейцы кого-то опасались. Просто оружие в руках любого нормального мужчины не только инструмент убийства, но и символ его положения, статуса и уверенности.

Маша, наблюдавшая за действиями Вагриных, которые сдали телефоны охраннику Аскерова, не понимала, что происходит. Поэтому, совершенно естественно, вид оружия заставил её нервничать, и девушка хотела спросить Андрея Ивановича, в чём дело. Но она не решилась и промолчала.

Под наблюдением удивлённых соседей элитного посёлка машины выстроились в колонну и покинули его.

Десяток автомобилей выехал на грунтовую дорогу и стал быстро удаляться от столицы. Вокруг мирные пейзажи: лес, домики и мостки через речушки. Автоколонна уверенно приближалась к частному аэродрому, и поводов для беспокойства не было. Совсем. Никаких. Однако Андрей Иванович занервничал. Шестое чувство прошептало ему: «Опасность рядом!» А поскольку он привык доверять своему чутью, то слегка сбавил скорость и пропустил вперед пару машин.

Взгляд старшего Вагрина скользил по кустам и деревьям вдоль обочины. Он надеялся увидеть, откуда угрожает беда, и Андрею Ивановичу повезло. Когда до аэродрома оставалось всего три километра и колонна свернула на узкую дорогу, на взгорке что-то блеснуло.

«Оптика!» – промелькнула в голове Вагрина мысль, и он резко прижался к обочине.

Развернуться нельзя, мало места, и Андрей Иванович, толкнув в бок племянника, прорычал:

– На выход! Живо!

Иван отреагировал моментально: без вопросов открыл дверцу и вместе с автоматом вывалился наружу. Андрей Иванович повернулся к Маше и благодаря этому уцелел. Впереди раздался взрыв, и неизвестные противники, которые скрывались в зелёнке, открыли огонь из автоматов и пулемётов. Они били по передним машинам и по замыкающей, в которой находились Вагрины, и первая очередь прошла по лобовому стеклу.

«Как-то всё чересчур жёстко начинается!» – Вагрин увидел, как череп Маши, этого безвинного прекрасного существа, разлетелся на куски, и он, повинувшись инстинктам, выскользнул из автомобиля вслед за племянником и скатился с обочины в придорожную

канаву.

Я заметил беспокойство и нервозность старшего родственника, но не придавал этому значения. Однако голос Андрея Ивановича заставил меня покинуть машину, и я, сам не понимаю как, оказался под кустом. А затем начался бой.

Скажу честно, я растерялся. Взрыв. Потом стрельба. Ничего не понятно. Что делать, голова шла кругом, и моё сознание разделилось на две половины. Одна продолжала бояться и хотела вжаться в землю. А другая призывала к действию, ибо – наших бьют. Хотя люди Шарукана со своими семьями и он сам мне – не свои.

– Как ты?! – рядом оказался дядька, в его правой руке был «стечкин».

– Нормально, – отозвался я и в этот момент вспомнил, что у меня тоже есть оружие, поэтому схватился за АКС и дослал в ствол патрон.

– Это хорошо.

Стрельба усиливалась, и Андрей Иванович, слегка приподнявшись, попытался разглядеть, что происходит на дороге.

– Дядька Андрей, а где Маша? – спросил я.

– Нет её, – поморщился он. – Погибла.

Девушку было жаль, но горевать, когда идёт бой, нельзя, и потому образ Маши мелькнул перед мысленным взором и рассеялся.

– Спецназ... – прошипел родич и добавил: – Сука! Кто же нас сдал?!

Вопрос был риторический. Снова пригнувшись, Андрей Иванович дёрнул меня за плечо и прошипел:

– Здесь ловить больше нечего. Уходим. Понял меня?

– Да.

– Добро. Держись рядом. Увидишь людей в чёрной униформе и броне – стреляй без размышлений. На поражение.

– Есть!

Мы собрались уходить подальше от грунтовки и плевать на снаряжение, сумки и оружие. К ним не подступиться, а время уходит. Это даже мне, неопытному оболтусу, понятно.

Перекатившись под ближайшее дерево, раскидистую берёзу, я поднялся. Следом за мной Андрей Иванович. Над головой продолжали посвистывать пули, но они проходили высоко. Непосредственной опасности не было, и, уклоняясь от веток, мы побежали. Вот только ушли не далеко.

Стоп! В двухстах метрах от дороги Андрей Иванович резко замер – явно что-то увидел – и поднял пистолет, а я, осторожно, словно на охоте, обошёл его слева и прислонился к стволу молодого дуба.

Дядька опустился на одно колено и обхватил рукоять пистолета обеими ладонями. Я же по-прежнему не видел никакой угрозы. Впереди лес. Самый обычный, в Подмосковье таких зелёнок между посёлками пока ещё хватало.

Раздался хруст веток, кто-то ломился через кустарник и стремился скрыться в лесу, а затем раздался окрик:

– Стой, сука! Стрелять буду!

Мелькнула тень, массивный человек перебежал от одного дерева к другому, и прозвучала короткая автоматная очередь.

– А-а-а!!! – Беглец закричал и вывалился из-за дерева.

Я его узнал, это был один из людей Шарукана, здоровый мужик с бандитской мордой, которого дядька называл Вепрем. Пули попали ему в ногу и в бок. Его участь была предрешена, убежать он не мог. Вот-вот должны были появиться преследователи, и они появились. Из кустарника выскочили два бойца в чёрной униформе с нашивками на рукавах, на спине у каждого надпись: «СПЕЦНАЗ». На голове – кевларовые шлемы, глаза прикрыты очками. Вооружены автоматами АКМС, точно такими же, как тот, что мы бросили в машине дядьки, а также пистолетами и ножами.

– Попался, гандон! – со злобой воскликнул один из бойцов и ткнул здоровяка стволом автомата. – Конец тебе!

Это были его последние слова, потому что Андрей Иванович открыл огонь. Преследователи его не заметили, вышли на открытое место и проявили беспечность, за что и поплатились.

Выстрелы из «стечкина» на фоне перестрелки, которая продолжалась на дороге, прозвучали негромко, и родственник не мазал. Первые две пули достали спецназовца, который хотел добить беглеца, и ещё две попали в его напарника. Но они его не прикончили, а только ранили. Он оказался вёртким, метнулся в промоину под деревом и начал отстреливаться.

Андрей Иванович залёг, а я оказался совсем рядом с недобитым спецназовцем и мог его расстрелять. Однако не решился. Не доводилось раньше убивать людей, и во мне был барьер – нельзя стрелять в служивых, которые выполняют приказ. Это потом я стал отморозком, ибо сложившаяся реальность приучила к тому, что человеческая жизнь стоит ровно столько, сколько одна пуля. А тогда преодолеть запрет не получалось, и я обошёл противника с тыла.

Опустошив магазин, спецназовец перезарядил оружие и затих. Он схватил подключенную к радиостанции гарнитуру, которая при падении распуталась. Наверное, боец хотел попросить о помощи. Но я уже находился рядом, и он не успел. Прыгнув на спецназовца со спины, я ударил его ногами, а потом придавил стволом автомата и прошипел:

– Лежать! Дёрнешься – сдохнешь!

Боец попытался вырваться, но не вышло. Он уже имел рану, плечо в крови, а я был настороже и слегка придушил его стволом, который упёрся ему в горло. Тут подбежал Андрей Иванович. Стрельба за нашей спиной стихала, судя по всему, бой подходил к концу, и дядька вместо того, чтобы похвалить меня и допросить пленника, выхватил из ножен на бедре спецназовца нож и ударил его в глаз. Клинок вошёл в голову бойца так быстро, что я не успел возразить, а родственник толкнул меня в грудь:

– Уходим, Ваня.

В очередной раз я подчинился. Андрей Иванович сдёрнул с первого мертвеца разгрузку и автомат, а потом подскочил к раненому здоровяку, который не мог подняться и быстро истекал кровью.

– Вепрь! – Дядька дёрнул его за плечо и снова позвал: – Вепрь, ты слышишь меня?

Раненый открыл глаза и, пуская кровавые пузыри, выдавил из себя:

– Вага...

– Уйти сможешь?

– Нет... Достали серьёзно... Отбегался...

– Кто против нас? Почему напали?

– Не знаю... Сдал кто-то... Я сразу на тебя подумал... Сейчас вижу... Не ты... Наверное,

это... Это Наёмник... Падла... Он тоже ушёл... В кусты юркнул... Я видел... На бункер нацелились... А у меня семья... Там... Семья...

– Что с Шаруканом?

– Попытался отстреливаться... Пулю словил... Сразу...

Вепрь начал дрожать, и Андрей Иванович сказал:

– Прости, братец, но мы тебя не спасём. Я ухожу.

– Понимаю... В кармане... Возьми... Пригодится... И это... Отомсти за нас... Если сможешь...

Здоровяк закрыл глаза, жить ему осталось всего ничего. Вага обшарил карманы его камуфляжа. Пачка сигарет и зажигалка, бумажник, паспорт и флешка.

Андрей Иванович взял только флешку, покосился на меня и приказал:

– Бегом, Ваня! За мной!

Снова мы побежали, и в этот раз нас ничто уже не задерживало. За час мы отмахали несколько километров, удалились от поля боя и только потом остановились. Присели. Помолчали. Затем родственник невесело усмехнулся:

– Как тебе приключение, племяш?

– Круто. Только людей жаль, которых перебили. Особенно Машу. А ещё наши вещи и стволы, которые остались в машине. Но это ведь не самое главное. Будем жить, сможем новое барахло добыть.

Дядька помрачнел:

– Это да. Безвинные жертвы. А что поделать? Суровые времена наступили. Даже раньше, чем мы думали. Чума ещё не пришла, а люди уже убивают других людей, потому что хотят выжить. Сука! Если в самом начале такая жесть пошла, что же дальше будет? Как представляю, так мороз по коже.

Он замолчал, и я спросил:

– Куда мы теперь?

– Добираемся до ближайшего посёлка и добываем транспорт. Едем в Москву и высаживаемся перед постами. В город пройдем через промзону, а дальше посмотрим. Нас, наверное, искать станут. Но недолго, и мы с тобой ко мне домой соваться не станем. Отсидимся на запасной точке, придём в себя и посмотрим, что на флешке Вепря. Как тебе такой план?

Мой ответ оригинальностью не блистал:

– Нормальный.

– Вот и хорошо. Побежали дальше.

Генерал Голиков смотрел на своих подчинённых, которые прибыли на резервную подмосковную базу, и понимал, чего они ожидают. Операция прошла не совсем так, как планировалось, поскольку имелись потери и в лес ушли беглецы. Следовательно, возможен нагоняй, а в гневе генерал был страшен. Однако они опасались зря. Голиков считал, что трое выживших повлиять ни на что не смогут. Они – дичь и всего боятся, так что забьются в нору и попробуют отсидеться, а потом всё, что они скажут, станет неважным. Главное – они не знали координаты бункера, а потому пусть бегут.

– Итак, – генерал посмотрел на Мухтара Ибрагимова, стройного кавказца, которого пять лет назад заметил в Махачкале и перетянул в Москву на должность командира небольшого отряда спецназначения, – какие потери?

– Четыре «двухсотых» и пять «трёхсотых», – ответил спецназовец.

– Много... – протянул Голиков.

– Так точно, товарищ генерал. Но в колонне было много вооружённых мужчин.

– И два бойца полегли в лесу.

– Мы выяснили, кто их свалил. Вага, личный ликвидатор Шарукана. Его данные и фото уже скинули полиции, пусть они отработают. Если успеют.

– А кто ещё, помимо него?

– Наёмник. Сидоров Евгений Николаевич...

– Знаю, кто он такой. Этого тоже в розыск.

– Конечно.

– А что личный состав спецгруппы?

– Бойцы нервничают. Было объявлено, что отработываем террористов, но дети... Сами понимаете, там не только мужчины были.

– Понимаю. Сколько людей с нами пойдёт, если раскрыть правду?

Ибрагимов задумался и ответил:

– Могу ручаться за пятерых.

– Этих оставь с нами и помоги с эвакуацией семей. Остальных вернуть в расположение и никуда не выпускать. Пусть ждут приказов.

– Есть!

Генерал посмотрел на Иванькова:

– А у тебя что?

– Самолёт Шарукана перегнали на военный аэродром. Он будет нас ждать. С владельцем и пилотами пообщался, рот на замке. Трофеи собрали. Деньги Шарукана перегнали с его счётов на наши. Разумеется, не все, а только те, до которых дотянулись. Мало ли, вдруг пригодятся. Грузы в Нарьян-Маре встретили наши люди. Бойцов Аскерова зачистили и вместе с ними доктора...

– Арцыбашева?

– Так точно.

Голиков улыбнулся, он был доволен, и одобрительно кивнул:

– Молодец, полковник. Хватку не потерял.

– Стараемся, Валерий Аркадьевич. – Иваньков тоже заулыбался.

– А что наш крот?

- Семья крота не пострадала, она ждёт за дверью.
- Польза от неё ещё может быть?
- Не думаю. – Иваньков пожал плечами. – Она теперь балласт.
- Вы знаете, что делать.

Ибрагимов кивнул в сторону коридора:

- Мне заняться?
- Да, – барственно кивнул генерал.

На ходу вынимая из кобуры пистолет, спецназовец вышел, и спустя минуту раздались приглушенные выстрелы. Аллочке Смирновой, которая сдала своего любовника, как и её родственникам, в бункере места не нашлось.

Ибрагимов вернулся, от него пахло кровью и порохом. Он кивнул генералу и снова замер рядом с Иваньковым, а Голиков, словно ничего не произошло, сказал:

– Вылетаем завтра утром, господа офицеры. На звонки вышестоящих начальников не реагировать, а лучше вообще отключить все старые телефоны и заблокировать. В общем, действуем по плану. Свободны.

Офицеры вышли. Голиков остался один. Запищал его мобильник. Ему звонил генерал-лейтенант Вереснев.

- На связи, – ответил генерал.

Голос Вереснева был грубым, и в нём чувствовалось раздражение:

- Что у тебя происходит?

– Ничего.

– Как же, поступил доклад, что твои бойцы какую-то колонну в Подмосковье расстреляли.

- Врут, Антон Владимирович. Мои все на базе, ждут приказа выдвигаться.

– Точно не твои?

– Какой смысл мне врать?

– Млять! – ругнулся Вереснев. – Сверху поторапливают с эвакуацией, а мне приходится выяснять, кто на дорогах шалит. Ладно. Будь на связи. Приказ получишь в ближайшие часы.

– Слушаюсь.

Вереснев отключился. Голиков убрал мобильник в карман и усмехнулся:

- На хер я вертел тебя и твои приказы.

В Москву добрались без особых проблем. Вышли к посёлку, и я сходил в магазин. Купил одежду попроще, пару сумок и вернулся в зелёнку. Мы переоделись и упаковали оружие – обмотали стволы камуфляжем и сложили в сумки. Зашли в посёлок, заказали такси и далее по плану. Уже ночью оказались на окраине столицы, совершили марш-бросок через лес и промзону, опять вызвали такси и в пять утра, уставшие и голодные, оказались на съёмной квартире Андрея Ивановича.

Первая попытка уйти подальше от цивилизации провалилась, хорошо хоть, что живые остались, и опять мы на исходной точке. Деньги есть, вместе с запасными документами они лежали в схроне – это основная причина, почему мы вернулись в столицу, поскольку паспорта ещё будут в действии несколько дней. Однако появились и сложности. Только включили телевизор, а там уже лицо Андрея Ивановича, который объявлен в розыск как международный террорист, ваххабит, маньяк, насильник, наркобарон и злостный враг всего мира. Поэтому понятно, что к нему домой соваться нельзя. А помимо него в розыске Наёмник, тот ещё головорез, как говорит дядька.

Впрочем, старшего родственника угроза со стороны правоохранительных органов не пугала, и, пока я дремал, он прогулялся по городу. Вернулся в десять утра с новыми мобильниками, ноутбуком и пакетами с едой.

Короче, жизнь продолжалась, и нужно было решать, какими станут наши следующие шаги. Но перед этим предстояло посмотреть, что находится на флешке покойного Вепря. Я считал, что там ничего интересного не окажется, молодой я и глупый. А вот Андрей Иванович думал иначе, и, пока я вскрывал банки с консервами, резал хлеб, делал бутерброды и кипятил воду, он воткнул флешку в ноутбук и начал просматривать информацию.

Я присел рядом, любопытство победило. Ну и что же на ней оказалось?

Вепрь, как объяснил Андрей Иванович, в последние годы занимался реконструкцией и модернизацией базы, которую приобрёл Шарукан, и на флешке был его отчёт о проделанной работе. То есть все документы по расходу средств, фотокопии чеков и нарядов, подробные планы подземных и наземных сооружений, документы на приобретённую технику, контакты с подрядчиками и видео, сделанное по завершении работ. Всё это собиралось для Шарукана, чтобы он видел, на что потрачены его деньги. Как я и предполагал, полная хрень, которая нам уже не интересна. Однако дядька считал иначе и, отключив накопитель информации, сказал:

– Любопытно.

– Чего же любопытного? – закидывая в рот кусок мяса, спросил я.

– А ты обратил внимание, что в документах указаны координаты бункера?

– Обратил. Так и что? Мы в Москве, а бункер на севере, за полярным кругом, и там сейчас новые хозяева, которые нам не обрадуются.

– Верно. Только я это дело просто так оставлять не хочу. Шарукан с братвой ангелами никогда не были, на каждом кровь. Но детей и женщин спецназовцы зря завалили. Мы себе такого не позволяли, ведь это полный беспредел.

– И чего ты хочешь?

– Мести, – недобро прищурился Вага, покосился на экран древнего телевизора, который транслировал новости, и взял бутерброд.

Ели молча, у каждого в голове свои мысли. Но сколько не оттягивай разговор, его нужно продолжать. И когда последний бутерброд был съеден, а чай выпит, Андрей Иванович спросил:

– Не одобряешь моё решение?

– Нет, – ответил я прямо.

– Почему?

– Против Шарукана сработала серьёзная структура. Не бандиты и не ЧОП, а спецназ. Значит, это государство. А как против него выступишь? Если они сто человек зачистили, то нас с тобой сожрут и не поперхнутся. Мы о них ничего не знаем, а они о нас – всё. Мы изгой, а они будут сидеть в обороне, в хорошо укреплённом месте и завалят нас ещё на подходе к бункеру. А туда ведь ещё добраться нужно. И как это сделать? Сесть в самолёт и полететь? Так аэропорты, скорее всего, уже заблокированы, если реально чума надвигается. А скоро автостанции и железную дорогу закроют. Все пути на замке, а потом военные и полиция начнут кордоны выставлять и карантинные лагеря строить. Так что в лучшем случае нас запихнут за колючую проволоку, и мы зависнем там, пока не появится возможность сбежать. А в худшем – тупо расстреляют как подозрительных граждан или мы подхватим болячку. Разве я не прав?

Андрей Иванович кивнул и согласился:

– Прав. Голова у тебя соображает неплохо.

– Тогда в чём суть? Какая месть? О чём ты говоришь? Надо уходить в лес – это самый простой и надёжный вариант. Я так считаю.

– В общем-то, племян, ты всё верно говоришь. Вот только в лесу мы долго не протянем, особенно в подмосковном. Ну, месяц. Ну, два. Пусть полгода. А потом всё равно придётся выходить, потому что зима настанет и жратва кончится. А это как раз пик болезни.

– Тогда давай двигаться к горам, – предложил я. – К Уралу, в тайгу. Или на Северный Кавказ.

– Нормальная идея. Будем двигаться. Но не к Уралу и не на юг, куда рванут сотни тысяч людей, а на север.

– Опять двадцать пять. Понятно, к чему ты клонишь. Раз всё равно, куда идти, то почему не к бункеру? Дался он тебе...

– Да! – повысил Андрей голос. – Дался! – Дядька редко повышал голос, поэтому я притих, а он продолжил:

– У меня нет чёткого плана, и я не знаю, что произойдёт с нами завтра. Но в одном уверен точно: отомстить нужно. По этой причине я пойду на север, а ты поступай как знаешь. Не мальчик уже.

– Отпускаешь, значит?

– Верно. Отпускаю.

Снова молчание. Я думал. Искал оптимальное решение и ничего не мог придумать. Куда ни кинь – всюду клин. И в конце концов сказал то, чего ждал Андрей Иванович:

– Я с тобой.

– Отлично, – пробурчал он, опёрся спиной на подоконник и, глядя на меня сверху вниз, сказал: – Ты прав в том, что против нас сработала серьёзная структура. Но если бы это было государство, то Шарукан об этом узнал бы. Поэтому считаю, что мы имеем дело с частной инициативой отдельной группы «товарищей», наглых и потерявших берега. Пусть они празднуют победу и заняли место Шарукана. Это ничего. Мы своё тоже не упустим и

нагреем, когда они расслабятся. И может так получиться, что мы будем не одни.

– Хочешь команду собрать?

– Посмотрим, в дороге всякое может случиться, – ответил Вага уклончиво и покосился в телевизор, подошёл к нему, сделал громче звук: – Кажется, началось.

В самом деле, началось. На экране появилась бегущая строка, которая сообщала, что ровно в 12.00 президент страны сделает экстренное сообщение. А спустя три минуты появился глава государства, который уведомил народ о введении чрезвычайного положения и первых заболевших чёрной оспой. Потом пошли кадры из больниц и стали показывать врачей, которые объясняли электорату, с чем придётся иметь дело и как уберечься от чумы. А когда через час с сумками в руках мы покинули квартиру, чтобы выбраться из города, то застали на улицах толпы народа.

Как водится, услышав о кризисе, люди кинулись в магазины и стали скупать товары. Спички, соль, макароны, крупы и спиртное, медикаменты и всё, что могло напоминать оружие. И полиция и ОМОН не могли ничего сделать. Курок спущен, и пуля вылетела.

При этом кое-где толпа стала громить склады и под шумок, прикрываясь смутой, из тёмных углов вылезли преступники, которые начали грабить банки и богатые квартиры. Эти дураки ещё не понимали, что пачки долларов и рублей уже почти ничего не значат, и потому действовали по привычке. А нас это не касалось, и, не обращая внимания на царящий вокруг хаос, мы медленно, но уверенно, выбирались на окраину. Шли пешком, так проще, ибо везде автомобильные пробки. Хотя намерение добыть автотранспорт было. Надо только случай удобный поймать, и вскоре он представился.

На выезде из обычного московского двора встретились две автомашины. Новенький «Toyota Land Cruiser» чёрного цвета и белая «десятка». Никто из водителей не желал уступать, но перевес на стороне владельца внедорожника. Это был плечистый качок в белой борцовке и длинных шортах. А рядом с «десяткой» стоял пожилой работяга. Конфликт плевый. Кому-то нужно сдать назад и освободить проезд. Однако народ был на взводе. Все торопились и нервничали. Вот водители и упёрлись, словно бараны.

– Ты, козёл! – орал владелец внедорожника. – Я тебя порву! Свалил отсюда! Тридцать секунд тебе! Время пошло!

– Сам пошёл! – огрызнулся работяга. – Думаешь, крутой! Хрен ты угадал!

– Ах, падла! Ну, ты договорился!

Качок сделал пару шагов по направлению к работяге, но тот не растерялся, вытащил из салона монтировку и закричал:

– Давай! Подходи!

Его противник отступил и вместо того, чтобы признать поражение, достал из своего автомобиля травмат:

– Подойду! Сейчас! И пулю тебе в тупую башку влеплю!

Андрей Иванович, который наблюдал за конфликтом, толкнул в бок племянника:

– Как тебе «крузак»?

Иван усмехнулся:

– Нормально.

– Берём?

– Можно. Только мы из Москвы ещё не выбрались. Как проедем?

– Как и пришли, через промзону. Внедорожник проскочит. Знаю я пару дорог.

– Тогда давай.

Вагрин-старший встал и направился к машинам, а Иван, подхватив сумки, поплёлся следом.

Работяга тем временем понял, что проигрывает спор, и начал отступать, а качок надвигался на него и размахивал пистолетом. Но далеко от своего внедорожника не ушёл.

– Молодой человек, – обратился к нему Андрей Иванович.

– Чего надо?! – обернулся качок на голос.

– Уже ничего. – Раскрытой ладонью Вагрин ударил его в горло, и тот, сгибаясь, нелепо раззявил рот и выронил травмат.

Не дав пистолету упасть, Андрей Иванович перехватил его на лету и снова ударил незадачливого качка. На этот раз рукояткой травмата по шее. Затем толкнул его плечом, и мощное тело, перевалившись через металлическую ограду, упало на цветник под окнами дома.

Полиции рядом не было, а свидетели происшествия делали вид, что оно их не касается, и отворачивались. Обычное дело – серые мыши из толпы не хотели неприятностей. Андрей Иванович именно такой реакции и ожидал. Поэтому махнул рукой в сторону «десятки», которая стала стремительно сдавать назад, сел за руль и завёл автомобиль. Благо ключи – в замке зажигания. Вага дождался, пока погрузится племянник, и выехал на дорогу.

На окраину Вагрины выбирались объездными путями и скоро, объехав несколько

милицейских кордонов и основные автомобильные пробки, оказались в промзоне. Кругом заводы, котлованы под застройку и склады. Людей относительно немного, как и автомашин. Полицейских тоже не видно.

Андрей Иванович вёл машину уверенно, считая, что препятствий больше не встретит и сможет выбраться из столицы без особых проблем. Но пришлось задержаться, потому что не он один собирался быстро и незаметно покинуть Москву. На грунтовке, которая петляла по полям за промзоной, неожиданно образовался затор. Три десятка автомобилей упёрлись в препятствие – мобильный пост полиции. Андрей, выглянув из окна, сказал Ивану:

– Всех досматривают. Не успели мы уехать.

– Давай по полю рванём, – предложил племянник.

– А если полицейские стрелять начнут? Опасно. Могут и попасть. За себя не страшно, а тебя подставлять не хочу.

– Не должны они пальбу открывать. Ещё не озверели.

– Хорошо, – решил старший Вагрин.

Он прикинул, как лучше объехать полицейских. Однако в этот момент произошло то, чего он не ожидал. Впереди раздались выстрелы, и стреляли не полицейские. В одной из машин находились крепкие ребята, трое или четверо. Кто такие – непонятно, и они не стали дожидаться, пока их начнут досматривать, а первыми открыли пальбу из двух гладкоствольных карабинов и одного автомата. Участь полицейских была предрешена. Блюстителей закона расстреляли в упор. После чего один из нападавших выскочил, собрал оружие и вернулся в машину, серую «тойоту», которая объехала пост и, пыля, скрылась вдалеке.

– Вот тебе на... – протянул Андрей Иванович, положив ладонь на рукоять верного «стечкина».

Иван промолчал и залез в сумку, доставая автомат.

– Это правильно, – одобрил Вагрин-старший. – Плевать, что могут заметить. Сейчас, наверное, у каждого, кто понял, что происходит, ствол.

Племянник кивнул. Движение продолжилось, и никто из тех, кто стоял в очереди на досмотр, не остался на месте. Все спешили как можно скорее покинуть место происшествия, а двое мёртвых полицейских лежали на пыльной обочине. Они не успели осознать, насколько всё серьёзно, и погибли.

Снова дорога опустела. Андрей Иванович, петляя по грунтовкам и перелескам, двигался в сторону Лобни. Москва осталась позади, вокруг царил покой. Успокаивающий и безмятежный.

– Может, остановимся? – предложил Иван.

– Зачем?

– Ноги размять и поужинать. Вечер уже скоро.

– И то дело.

Вагрин-старший заехал в лесополосу возле дороги, вышел и открыл багажник. Иван взялся распаковывать нехитрую снедь.

– Что мы имеем? – Взгляд Андрея Ивановича обшарил трофеи. – Трос, полная канистра, ключи и домкрат. Стандартный набор.

– Лучше на заднем сиденье посмотри, – сказал племянник. – Там помимо наших сумок ещё рюкзак.

– Сейчас.

Андрей Иванович последовал совету Ивана и вскоре подозвал его:

– Иди сюда.

– Что? – подошёл племянник, и Андрей Иванович открыл рюкзак прежнего владельца.

Внутри были деньги. Много. В основном евро, но попадались и доллары.

Иван присвистнул:

– Ничего себе. Это чью же машину мы реквизировали?

Старший Вагрин уже просмотрел документы и ответил:

– Некто Семён Бурчевский, владелец транспортной фирмы «Северо-Восток Плюс».

– Хорошо живут владельцы транспортных фирм. Точнее, жили.

– Верно.

– А сколько здесь денег? – Иван взял пачку евро и перекинул её с ладони на ладонь.

– Думаю, тысяч триста. Если в долларах. Может, больше.

– Раньше бы радовались этим деньгам, а сейчас всё равно. – Племянник бросил пачку обратно в рюкзак.

– Ничего. Они могут ещё пригодиться.

– Посмотрим.

Включив радиоприёмник, который по всем каналам передавал одно и то же, обращение президента и инструкции для граждан, родственники плотно поужинали и немного отдохнули. После чего, уже в темноте, проехали ещё полсотни километров и заночевали недалеко от Яхромы. Причём спали они по очереди, один находился в карауле. Опасности вроде бы нет, но лучше заранее ждать неприятности, чем потом их неожиданно огрести. А под утро в своё дежурство Андрей Иванович нашёл у себя визитку Николая Орликова, которого позавчера встретил возле магазина спортивных товаров, и решил ему позвонить.

– Была не была, – прошептал Вагрин и набрал номер.

Орликова он знал давно. Пересекались, когда Шарукан сливал правоохранительным органам информацию на конкурентов. Делалось это через Вагрина, который держал связь с молодым капитаном Орликовым, и все в итоге остались при своих.

Гудки. Трубку не брали, и Андрей Иванович хотел уже сбросить вызов, когда услышал голос Николая:

– Кто это?

– Вага, – представился Вагрин.

Краткая пауза и вопрос:

– У тебя проблемы?

– Почему так решил?

– Иначе ты не позвонил бы.

– Верно. У меня проблемы. Шарукана и всю его братву вместе с семьями зачистили.

Конторские отработали.

– Не слышал об этом... – Николай помолчал и спросил: – Чего ты хочешь?

– Я вскоре буду в Твери или неподалеку. Контакт хороший есть, чтобы помог кордоны объехать?

– Имеется.

– Поможешь?

– А если я в сговоре с теми, кто Аскерова убрал?

– Нет, не твоя тема.

– Правильно, не моя. Запоминай контакты. Мне уже всё равно, а тебе они могут

пригодиться. Если узнаешь, кто отработал Шарукана, поделись. Моему шефу это может быть интересно.

– Если получится выйти на связь, то обязательно.

– Договорились.

Орликов назвал Вагрину пару номеров, и связь оборвалась. Андрей Иванович записал информацию в блокнотик прежнего владельца и разбудил племянника:

– Подъём, Ваня. Нас ждут великие дела.

Ночь пролетела быстро, и снова в дорогу. Однако дальше продвигаться стало сложнее.

Правительство, которое спряталось от народа в безопасные убежища, задействовало войска, и сотни тысяч людей сдвинулись с места. Колонны бронетехники входили в города, и армейские группы перекрывали транспортные магистрали. Военные усилили полицию, и основная задача «слуг государевых» была проста – парализовать передвижение граждан и закрыть охваченные заражением районы. Поэтому наша миграция на север резко замедлилась, хотя и не остановилась. Ведь Россия – это вам не Швейцария, и кто хочет обойти кордон, тот всегда найдёт свободную дорожку или тропку, а если такой нет, то протопчет свою.

На второй день путешествия, заправившись на окраине Яхромы и купив запасные канистры, которые доверху наполнили бензином, мы добрались до Иваньковского водохранилища и застряли, потому что впереди слышали перестрелку. Кто и с кем воевал? Сие скрыто мраком, ибо мы объехали поле боя и снова заночевали в зелёнке.

Третий день оказался более удачным, потому что дядька Андрей позвонил какому-то Жоре, который был приятелем Николая, и нас без досмотра, в сопровождении патрульной машины, всего за двадцать тысяч евро пропустили через Тверь. После чего, можно сказать, мы вырвались на оперативный простор и доехали до Вологды, где заночевали в гостинице.

Дальше маршрут прикидывали примерно. Нужно ехать в сторону Устюга, а дальше на Ухту и Печору. А потом по обстоятельствам. Сухопутных дорог в Ненецком АО практически нет, людей там немного, я заглянул в Википедию, пока Интернет пахал, и узнал, что население региона не превышает сорока пяти тысяч человек. А территория – побольше некоторых европейских стран. Но есть вариант сплавиться вниз по течению Ижмы и Печоры. Или самолётом. Только это из области фантастики, поэтому каждый летательный аппарат уже на особом учёте и охраняется.

В общем, схема действий имелась, но четвёртый день принёс кучу проблем. Во-первых, пропала мобильная связь. Во-вторых, горничная сказала, что в Вологду вошли войска. А в-третьих, под окнами гостиницы стоял БТР-80, и улицы перекрыли солдаты, многие из которых были в ОЗК и в противогазах. Выехать нам не дадут, это ясно. И что делать?

Андрей Иванович отправился на разведку, и, пока его не было, я стал перебирать телевизионные каналы. Хоть что-то ещё работало.

Чума... Чума... Чума...

На каждом канале одно и то же. Болезнь и её последствия.

«Тысячи заражённых в Москве...»

«Во Владивостоке приземлился самолёт из США. На борту десятки больных...»

«Напряжённость между Северной Кореей и Южной. Чума всё спишет, а США уже не в состоянии прикрыть своего союзника...»

«Анонс популярного вечернего ток-шоу, на котором будут обсуждаться способы борьбы с модифицированной чёрной оспой...»

«Массовый исход жителей из Санкт-Петербурга и переезд городской администрации в район...»

«Огромная несанкционированная демонстрация жителей Краснодара, которые требуют от правительства решительных действий...»

«На трассе Ростов – Баку военные расстреляли колонну из пятидесяти легковых автомашин, которые пытались прорваться в Ставропольский край, а затем в Чечню. Много убитых и раненых. Президент Чечни угрожает военным кровной мстью, но посылать своих бойцов в Россию не спешит, а границы республики перекрыты его гвардейцами, которые даже соплеменников не пропускают и всех отправляют в фильтрационный лагерь...»

«Грабежи аптек и нехватка медикаментов...»

«Телемост Новосибирск – Атланта. Учёные-вирусологи обсуждают проблему...»

«Первый вибриононоситель в Самаре...»

«Собаки и кошки? Могут они быть переносчиками заболевания или нет? Мнение ведущих ветеринаров страны...»

«Горящий зачумлённый Париж...»

«Обезлюдивший Берлин...»

«Беспорядки в Швеции. Местные националисты заживо сжигают арабов, которых объявили разносчиками болезни...»

«Интервью министра обороны РФ. Закрытие границ невозможно. На это нет сил и не хватает средств...»

«Выступление министра МЧС...»

«Предсказание лучших экстрасенсов. Надежда есть...»

«Заседание Организации Объединённых Наций. Генсек заявляет...»

«Слово пастырей. Совместное обращение патриарха, верховного раввина и представителей ислама. Люди – веруйте и молитесь...»

«Как правильно построить землянку, которая приютит семью из пяти человек...»

«Конец США. Как всё начиналось? Прямые включения спецкоров из Нью-Йорка, Вашингтона и Лос-Анджелеса...»

В конце концов мне надоело смотреть зомбоящик. Одно и то же. Народ успокаивают, и крупницы правды можно было выловить только в Интернете, пока он имелся. И если хотя бы половина из того, что я там увидел и услышал, правда, то безопасного места на планете уже нет. Самолётами, поездами, автомобилями и кораблями человечество разносило агрессивную болячку, и она распространялась стремительно...

– Как ты? – в комнате появился Андрей Иванович.

– Нормально, – отозвался я.

– Быстро собирайся, сваливаем.

– А нас выпустят?

– Я договорился, будет лазейка.

– И во что это обошлось? – Я поднялся и стал заталкивать в сумку вещи.

– Сто тысяч евро.

– Смотрю, расценки растут? – На моём лице сама собой появилась улыбка.

– Да.

Мы спустились в холл, и под гневные выкрики других постояльцев, которые скопились там и не могли покинуть здание, военные нас пропустили. Мы быстро запрыгнули в машину, и Андрей Иванович расплатился с молоджавым офицером в полевом камуфляже, бронежилете и маской противогаза на груди. Можно уезжать, но напоследок военный сказал:

– Поторапливайтесь. В этом районе нашли больных, и он будет превращён в особую карантинную зону. Всех, кого обнаружат в городе с подозрением на заражение, начнут свозить сюда. Если вас попытаются остановить, выжимайте из тачки всё, что можно. У нас

приказ стрелять на поражение в тех, кто вырвался из оцепления.

– А не боишься, что солдаты тебя сдадут? – выворачивая руль, спросил дядька.

Офицер ухмыльнулся:

– Это мои солдаты. Связка одна.

Вояка оказался честным. Деньги взял и выпустил. Мало таких людей осталось, ведь мог обмануть.

– Он мог нас грохнуть, – сказал я, когда гостиница осталась позади.

– Да, – согласился дядька, – но не рискнул.

– А почему?

– Видимо, подумал, что за человека, который спокойно расстаётся с такой крупной суммой, с него могут спросить.

– Логично.

Тем не менее проблема военных никуда не делась, поскольку вскоре мы выбрались из города и напоролись на БТР, который перегородил дорогу. Останавливаться мы не собирались, ибо это глупо, и Андрей Иванович закричал:

– Держись!

Я вжался в кресло, а дядька прибавил скорости, стремительно объехал бронетранспортёр и резко свернул в поля.

Нас не окликали и не приказывали остановиться, этого не было, военные просто сразу попытались нас расстрелять: башня БТРа развернулась, и крупнокалиберный пулемёт дал длинную очередь. Однако старший родич почуял, что сейчас нас накроют, и увёл машину в сторону. На пыльной грунтовке возникли фонтанчики, а позади – грохот выстрелов. Но, к счастью, очередь была одна, и спустя несколько секунд, перескочив несколько ям, внедорожник спрятался в лесу.

Стараясь не выбираться на главную трассу, мы кружили по окрестностям и раз за разом пытались объехать Вологду. Только из этого ничего не вышло. Везде патрули, кордоны, блокпосты и заслоны. О силовом прорыве думать нечего, силы неравны, и Андрей Иванович направился на север, в объезд Кубенского озера в сторону Кириллова. И сначала всё было хорошо. Проскочили Кубенское, Борисово, Новленское, Березник и Нефёдово. А перед Никольским Торжком снова возник блокпост, и мы в очередной раз ушли на грунтовку, долго мотались по дорогам и в итоге оказались в какой-то глухомани, в крохотной деревушке из нескольких покосившихся домиков. И всё бы ничего, но кончилась горючка.

Кругом темно, ни в одном окне не горит свет, и только в конце небольшой улочки под напором свежего ветерка на столбе поскрипывает тусклый фонарь. Собак не слышно. Заборов нет. Всё спокойно.

– Давай к дому, – приказал Андрей Иванович племяннику. – А я прикрою.

Иван кивнул и метнулся к ближайшей избе, подошёл к окну и постучался. Ответа нет, и снова стук. Только тогда в доме зажётся свет, и Вагрины услышали женский голос:

– Валерка, уходи! Сто раз говорила – не приму! Уезжай, а иначе соседям позвоню и участковому! Кому сказала?!

Младший Вагрин отозвался:

– Это не Валерка!

– А кто?!

– Туристы! Заблудились и топливо закончилось! Подскажите, где заправиться можно!

Заминка. Женщина подумала и ответила:

– У нас точно не заправитесь. Это в посёлок надо, а до него десять вёрст.

– Плохо. А позвонить от вас можно?

Опять заминка, и в голосе женщины вместо нервозности появилась тревога:

– Нет! Уезжайте!

Андрей Иванович позвал племянника:

– Иван, оставь женщину в покое. Она боится.

– А чего нас бояться? – Поправляя наплечную кобурку с пистолетом, Иван вернулся к машине.

– Место глухое. Ночь. Мобильник у неё наверняка, как и у нас, не пашет. А соседи – скорее всего, старики, которые в глуши век доживают. Теперь понял ход мыслей?

– Да.

– Тогда ночуем в машине, а утром посмотрим, что тут и как...

Остаток ночи пролетел быстро. Через три часа наступил рассвет, и из дома вышла хозяйка, крепкая тридцатилетняя брюнетка. Симпатичная, только измотанная. Фигуристая – всё при ней. Но глаза тусклые, и радости от жизни нет. Да и откуда она, если никаких развлечений и с женихами напряг? Так думал опытный Андрей Иванович, подходя к женщине, и он не ошибся.

– Здравствуйте, – поприветствовал он её. – Меня Андреем зовут.

– И вам не хворать. – Женщина смерила гостя оценивающим взглядом и посмотрела на его машину. – А я Людмила. Живу здесь.

Старший Вагрин заметил интерес женщины к себе и продолжил беседу:

– Так что насчёт топлива? Неужели здесь даже тракторов нет? Нам надо-то всего ничего, хотя бы пять литров дизельки, только до крупного населённого пункта добраться. Мы заплатим.

– Я сказала уже, – Людмила пожала плечами, – нет у нас.

– А как связь с городом поддерживаете?

– К старикам, соседям моим, внуки иногда заглядывают. Всё через них, или на лошади в посёлок выбираемся, если дорога нормальная. А как дождь, так беда – только пешком. Нашей деревни и на карте-то нет. Раньше здесь леспромхоз был, мы в нём работали. Его уж

нет давно, а мы есть.

– Понятно. А у кого лошадь одолжить можно?

– У Трофимыча. Спросите. Может, и подвезёт, коли проставитесь.

– Проставимся, красавица, – Андрей Иванович улыбнулся, – не сомневайся.

Людмила проводила гостя к соседу и познакомила с Трофимычем, ещё крепким стариком, который согласился съездить в посёлок и помочь с топливом. Дело сдвинулось с мёртвой точки, и, отправив племянника за дизтопливом, Андрей Иванович снова подошёл к Людмиле.

– Завтраком-то хоть накормишь, красавица? – спросил он.

– А ты заслужи! – с лёгким вызовом ответила она.

– Запросто. Говори, что нужно делать.

– Вот это уже разговор. У меня электричество в подвале и на кухне не в порядке. Всё искрит, и что делать, не знаю. Разберёшься?

– Да.

Вооружившись инструментами, Вагрин быстро починил проводку и розетки. Уложился в полчаса, а Людмила за это время приготовила яичницу, нарезала салатик из овощей со своего огорода и домашний сыр, ещё поставила на стол бутылку наливочки.

«Расщедрилась, хозяйюшка, наверное, понравился я лесной барышне», – сразу подметил Андрей Иванович и, поймав озорной взгляд женщины, которая зарумянилась, подмигнул ей.

Вагрин и хозяйка завтракали вдвоём, выпили по пятьдесят грамм за знакомство, и больше себе не позволяли. Для аппетита немного можно, а пьянствовать не собирались. За завтраком Андрей Иванович стал выяснять, как можно проехать дальше на восток к Харовску или на северо-запад к Белозёрску. Только маршрут проложить так, чтобы на основных трассах не светиться.

Людмила поняла, что Вагрин интересуется неспроста, и об эпидемии уже слышала, ибо телевизоры у лесников имелись. Но скрывать ничего не стала и объяснила гостю, как можно добраться до Харовска коротким путём через леса. Да только не найдёт он ту дорогу, заплутает. А вот если её в проводники возьмёт, всё сложится, как надо: и до места доберётся, и полицейским на глаза не попадётся.

Андрей Иванович намёк понял. Поэтому сразу предложил Людмиле проехаться до соседнего райцентра, и она, разумеется, согласилась.

Завтрак был окончен. Иван вернётся в лучшем случае через час, а хозяйка суетилась и много болтала. Видимо, от каких-то своих душевных переживаний. Может, нафантазировала, что у неё с Вагриным что-то получится, или решила, что он её шанс. Кто знает этих женщин? Порой они сами не понимают, чего хотят. Эту древнюю истину Андрей Иванович усвоил давно и потому молчал, сидел возле окна и время от времени посматривал на заросшую травой улицу. А Людмила, собирая сумку с вещами, – всё-таки на пару дней придётся отлучиться, – продолжала говорить:

– За коровой Семёновна присмотрит. Ничего. Её на выпас выгнать надо и вечером подоить, справится. А дома у меня взять нечего, накину замок – и хватит. Ты не смотри, Андрей, что у нас тут разруха. Раньше веселей жили. Людей больше сотни было, автолавка приезжала, и молодёжь гуляла. Казалось, всё будет нормально, по-людски. Да не вышло. Мужик мой, Валерка, сбежал. Дармоед. Вот я ночью и подумала, что ему в городе опять по морде дали и он прятаться вернулся. В тот раз не выгнала, впустила, а он меня избил, деньги отобрал и снова в город подался. А теперь точно дрыном бы по спине перетянула. Гад! Всю

жизнь мне поломал. Я должна была поехать в город учиться, а тут он подвернулся. Сказок красивых наплёл, и я осталась. Дура, наверное?

Людмила покосилась на гостя, и Вагрин ответил:

– Это жизнь. Может, и к лучшему, что ты здесь.

– Вот и я так думаю. В городе страсти какие, люди мрут, словно мухи. А тут тихо...

Кстати, о тишине. Послышался шум мотора, и Вагрин насторожился, поднял ладонь и спросил Людмилу:

– Кто это?

– Никого не ждали.

Она подошла к окну.

– У нас уже неделю никого не было.

Мимо дома проехала серебристая «Нива-Шевроле дизель», но почти сразу она сдала назад. Из неё вышли три хмурых мужика в камуфляже, у одного в руках был обрез двустволки.

– Валерка! – ахнула Людмила, узнав среди новых гостей мужа. – А остальных не знаю.

– Понятно. – Вагрин подумал, что правильно поступил, отогнав свою машину за дом, и вытащил из-под пиджака пистолет.

– Ой, мамочки, – закрывая глаза руками, всхлипнула Людмила, увидев оружие.

– Спокойно. – Андрей Иванович улыбнулся женщине, отступил за занавеску, которая прикрывала кровать. – Встречай гостей. Сдаётся мне, не с добром они к тебе заехали, больно морды хмурые и злые, то ли с перепоя, то ли по жизни обиженные.

Вагрин затих, а женщина замерла возле стола. Дверь открылась. Первым вошёл Валера, муж Людмилы, и с порога прохрипел:

– Встречай хозяина, жёнушка.

Женщина отреагировала резко:

– Пошёл вон, скотина!

– Это ты зря так со мной, – усмехнулся Валера, подошёл к женщине и сразу же наотмашь ударил её по лицу.

Людмила отлетела к стене, согнулась и замерла. Вслед за Валерой в дом вошли его товарищи, и хозяин кивнул в сторону жены:

– Как вам моя вторая половина?

Мужики засмеялись, а Людмила огрызнулась:

– Мы разошлись.

– Не важно. Сейчас это уже не важно.

– Зачем приехал и кто с тобой? Чего у меня забыли?

Женщина покосилась на занавеску, но Валера не придал этому значения и ответил:

– Теперь всё по-новому будет, Людка. В городе беженцы появились, а полицейских мало.

Вот мы и решили, что можно неплохо навариться, пока кругом неразбериха. Так что оживёт наш посёлок, место укромное. Мы – первые ласточки, на разведку приехали. К вам, кстати, никто ещё не приезжал?

– Нет.

– Отлично. – Он приблизился к Людмиле.

– Нечего вам здесь делать. Уезжайте.

– Заткнись, дура.

Валера снова замахнулся, и в этот момент появился Андрей Иванович, который услышал

достаточно, отодвинул занавеску и спокойно произнёс:

– Всем на колени. Руки за голову.

Мужики, которые ничего подобного не ожидали, растерялись. Но человек с двустволкой попытался поднять оружие, и это было ошибкой. Андрей Иванович выстрелил ему в ногу и попал в колено, а его подельники поспешили выполнить приказ и опустились на пол.

– Верёвка имеется? – Вагрин посмотрел на Людмилу.

– Ага, – кивнула она. – Бельевая подойдёт?

– Вполне.

В посёлке, куда меня доставил Трофимыч, единственный более-менее крепкий мужик в лесной деревушке, царило оживление. Местные дрались с приезжими, и происходило это в центре, возле памятника героям Великой Отечественной. А поводом стал тот факт, что пришлые, не считая денег, скупили всё продовольствие, которое находилось в двух поселковых магазинах, а также все медикаменты в аптеке, погрузили товары в три грузовика и собрались ехать дальше. Вот тут местные и опомнились. В провинции народ спокойней, и чума была где-то далеко. Поэтому ажиотаж хоть и был, но не массовый, и кое-какие запасы в магазинах оставались. Однако появились мигранты из больших городов, прилавки и складские помещения мгновенно опустели, а затем кто-то задался резонным вопросом: «А что завтра станут есть наши дети?» Понятно, что имеются запасы в погребах, а у каждого более-менее справного хозяина собственный огород и скотина. Но где брать муку, спиртное, макаронные изделия, соль, сахар, курево, медикаменты и так далее по длинному списку? Это зацепило местных женщин, которые подняли вой, и тогда уже появились мужики.

В общем, грузовики заблокировали, и приезжие, которые оказались беженцами из Костромы и двигались на север, людьми были нервными и кинулись в драку. Итог: битва за припасы под памятником. Много шума, выбитые зубы и сломанные носы. Никто никого жалеть не собирался, а участкового не видать. Посмотрев на это со стороны, мы с Трофимычем проехали дальше и остановились возле двора его крестника, трудяги Евгения.

Хозяин встретил нас без радости и сразу стал жаловаться на жизнь. Денег нет. Всё плохо. Чума. Приезжие магазины опустошили, но он драться не пойдёт, потому что детей не хочет без кормильца оставлять. А фермер, у которого Евгений работал, задерживает выплату зарплаты. И машина, старая «шестёрка», сломалась. На что Трофимыч отреагировал спокойно и предложил крестнику перебираться к нему. Дома пустые есть, а лес прокормит.

Евгений задумался и покосился на детей, двух мальчишек, которые спокойно возились в песочнице. А потом сказал, что подумает. И только после этого поинтересовался, кто я такой и зачем мы приехали.

Трофимыч, надо отдать ему должное, мозги не пропил, поэтому говорил с Евгением конкретно и давил его сразу, пока не опомнился. Есть люди с деньгами. Они готовы ими поделиться, но крестник должен подсуетиться и быстро добыть сорок литров дизтоплива. Даём четыре цены. На что Евгений отреагировал мгновенно и сказал, что дизелька имеется. Фермер зарплату не платит, кулак проклятый, и он украл у него сто литров. Мелочь, а приятно. И ещё у него есть запасные канистры.

Вопрос решился, и мы, спрятав канистры под сеном, чтобы не привлекать внимание местных, отправились обратно в лес. А Евгений, который в последний момент сообразил, что сильно продешевил, стоял и думал, догнать нас или не надо.

Драка в центре к тому моменту прекратилась, и приезжие, крепко навалив коренным обитателям и пару раз выстрелив в воздух из «сайги», поспешили убраться. Наблюдая за поселковыми жителями, я понял, что следующих мигрантов, вчерашних соотечественников, в этом месте встретят плохо. Могут ограбить и даже убить. Разумеется, если они окажутся слабее.

В лесу было спокойно, вся суета осталась позади, и только тогда я немного расслабился. А Трофимыч, с которым мы быстро нашли общий язык, предложил:

– Слышь, Ваньш, а ты скажи дядьке, что не надо никуда ехать. Оставайтесь с нами. Времечко-то лихое, сам всё видел, человек человеку уже не брат, а волк. Как в старые времена.

«Эх, ты даже не представляешь, дед, что я успел увидеть!» – промелькнула у меня мысль, и я спросил:

– И что мы у вас делать будем?

Его ответ был коротким и лаконичным:

– Жить.

– За счёт леса и огорода, как ты крестнику предлагал?

– Да.

– Оно-то, конечно, лес укроет. Тут ты прав, Трофимыч. Да только людишки и сюда доберутся, болезнь притянут. Я в этом уверен.

– А мы ещё дальше уйдём. Есть в лесу такие места, о которых даже коренные жители не знают. Если останетесь с нами, я покажу. Там болото, а на нём остров. Спрячемся, и никто не найдёт. А когда всё уляжется, то выйдем, и богатства окрестные нашими станут. Честно говоря, жалею, что мне не двадцать лет. Так бы развернулся... Раньше тоже молодость вспоминал, но теперь особенно. Ведь это всё можно перекроить, жить иначе. Да чего говорить? Я бы королём стал. Или князем каким.

– Феодалом, короче, – усмехнулся я.

– Верно, – согласился он. – Но я уже не стану, старый, и здоровье не то, а ты сможешь.

«Непростой дед, и фантазии у него вполне реалистичные», – подумал я, наблюдая за Трофимычем, и решил отмолчаться.

Так мы и ехали. Он говорил, а я его слушал, размышлял и вставлял вопросы.

Наконец добрались до лесной деревушки, а здесь сюрприз. Дядька взял трёх пленных и трофеев в виде «нивы», с которой сразу слил топливо и заправил «крузак». В деревушке нас ничто уже не держало, и проводник есть, с нами собралась уехать Людмила. Однако пришлось немного задержаться, ибо возник вопрос: что делать с пленными мужиками?

Самый простой вариант: помножить троицу «разведчиков», которых послали городские босяки, на ноль. Есть люди – есть проблема. Нет людей – нет проблемы. Одна ко Андрей Иванович, который прострелил одному мужику ногу, а другому, как выяснилось, мужу Людмилы, сломал руку, сказал, что это беспредел, а мы не звери. Поэтому убивать никого не надо. И тут вмешался Трофимыч. Он понял, что мы при любом раскладе не останемся, и предложил бросить пленников к нему в подвал. Вроде бы нормально. Но как быть Людмиле, когда она вернётся домой? Муж наверняка попробует на ней отыграться за сломанную руку. Дилемма. Хотя Трофимыч сказал, что всё решит.

Пока судили и рядили, пролетел час, и мы с дядькой отошли в сторону.

– Что скажешь, племяш? – Андрей Иванович кивнул в сторону Людмилы и Трофимыча, которые стояли возле «нивы» и продолжали спорить.

Как будут развиваться события дальше, я себе уже представил, и ответил сразу:

– Трофимыч мужиков кончит, а машину себе заберёт.

– Думаешь, он решится?

– Уверен. Этот сможет.

– А Людмила?

– Раз она с нами уезжает, лучше ей не возвращаться. Её мужик с товарищами – первые ласточки. Скоро новые гости пожалуют. А она одна.

– Жалеешь бабу? – усмехнулся дядька.

– И это тоже. Но и вижу, как она на тебя смотрит, а ты на неё.

– Глазастый. – Он провёл рукой по моим волосам и вернулся к машине.

Трофимыч и Людмила посмотрели на него. Они ждали решения, и Андрей Иванович, передавая старику ключи от «нивы» и обрез, сказал:

– Мужиков оставляю тебе. Что ты с ними будешь делать, меня не волнует. Но прими совет: решай всё быстро. Или в расход, или уходи дальше в лес.

Старик отреагировал спокойно, а женщина опять завелась и стала спорить. Однако Андрей Иванович оборвал её:

– Ты теперь с нами. Обратно не вернёшься.

Людмила моментально замолчала, такой расклад её устроил, и она побежала за своими вещами, которые следовало уложить в машину, а я подошёл к «ниве» и нашёл в ней отличную четырёхместную палатку. Новенькую. Из магазина. С ценником. Не бросать же такое добро? Слишком расточительно. Поэтому оттащил её в «крузак». Что характерно, под внимательным взглядом Трофимыча, который уже считал машину и всё, что в ней, своей собственностью, но возразить не решился.

Деревушку покинули через десять минут. Начался очередной этап пути, по старым леспромхозовским и сельским дорогам в сторону Харовска.

Анатолий Трофимович Безуглов посмотрел вслед машине гостей, которые увезли с собой Людмилу, и с обрезом подошёл к подвалу. Пленные снизу услышали, что кто-то рядом, и непутёвый Валерка позвал его:

– Это ты, Трофимыч?!

Безуглов не ответил, и Валерка снова подал голос:

– Выпусти нас. Мы слышали, как машина уехала. Будь человеком. Мы тебе ничего не сделаем.

Трофимыч опять отмолчался и отправился в свою избу. Здесь на столе стояла литровая бутылка водки и закусь, маринованные грибы, и первая мысль хозяина была о том, что нужно выпить. Однако он отёрнул руку от стакана, отошёл к окну и достал опасную бритву. Повертел её в руках и посмотрел на себя в зеркало.

– Надо начинать новую жизнь, – сказал Безуглов. – И для начала – побриться.

Нагрев на летней печке воду, он наполнил ею тазик и стал аккуратными движениями сбривать седые волосы. Всё делал неспешно, размышляя о будущем, иногда вспоминая прошлое, свою непростую жизнь.

Родился Анатолий Безуглов далеко от этих мест, на Дону, в семье потомственного казака, который не забывал о своих корнях. Поэтому с детства Анатолий знал, чем будет заниматься, и хотел одного – защищать свою родину, поэтому, после окончания школы отслужив срочную службу в пограничных войсках, отправился в военное училище.

Будущее казалось определённым, но судьба поступила с Анатолием жестоко. На третьем курсе, провожая домой девушку, Безуглов схватился с местной шпаной. У них ножи, а у него только руки и ноги. Однако он вышел из схватки победителем. Вот только один шпанёнок скончался от полученной черепно-мозговой травмы, а ещё один на всю жизнь остался инвалидом. И вместо службы родине Безуглов отправился на зону, где к нему отнесли как к врагу. Но опять Анатолий выстоял, не сломался, отсидел шесть лет из восьми, вышел по УДО и домой уже не вернулся.

Где только не побывал Трофимыч. В Магадане мыл золото. На Курилах ловил рыбу и крабов. На Урале добывал ценные камни и водил геологов. А потом встретил хорошую добрую женщину и перебрался в Вологодскую область, поднимал леспромхоз и хотел, чтобы супруга родила ему детей. Но не сложилось. Ничего не сложилось так, как хотел Безуглов. Жена не смогла родить, у неё случился выкидыш, и она этого не вынесла, сгорела, словно свеча. А новую жену в дом Трофимыч уже не приводил. Мог бы уехать из этих мест. Однако его нигде не ждали, и он доживал век в лесу. Вроде бы ещё не старый, всего-то пятьдесят семь годов, но окружающие считали, что он уже совсем старик, и сам Трофимыч думал – жизнь кончена и следующий шаг будет в могилу.

Однако сегодняшней день всё изменил и заставил его иначе взглянуть на себя. Он понял, что не всё ещё потеряно и есть возможность жить иначе. Нет теперь законов, кроме тех, которые придумали сильные и хваткие, такие как Вагрины и подобные им люди. Нет искусственно возведённых моральных барьеров. Нет преград для того, кто имеет оружие и готов его применять. В прошлое уходит государство со своими чиновниками, правоохранительными органами, тюрьмами, судами и администрациями. Отныне никто не станет указывать ему, как он должен жить, и, если не бояться смерти, а Безуглов её не

боялся, можно напоследок пожить как человек.

Нет, Трофимыч не собирался грабить простых людей и без нужды кого-то убивать. Но затея организовать лесное поселение, куда не проберётся чума, и создать общину крепко засела у него в голове. В течение пары часов это стало целью, к которой можно и нужно стремиться. Поэтому он был готов сворачивать горы, двигаться вперёд и решать любые проблемы.

Побрившись, Безуглов погладил ладонью розовую кожу и улыбнулся. Ещё раз осмотрел себя в зеркало и сказал:

– А не такой уж я и старик. Может, ещё поживу лет пять, а то и десять, если раньше не пристрелят или болезнь не прицепится.

Отступив от тазика с пенной водой, он открыл шкаф и достал новый камуфляж, подарок лесничего, которому Трофимыч пару лет назад помог в поиске пропавших городских охотников. Переодевшись, Безуглов решил определиться с судьбой пленников. Долго думать не стал, а кинул монетку. Выпал орёл, и Безуглов ухмыльнулся:

– Повезло им, будут жить. Если не полные дураки.

Спустя пару минут он снова подошёл к подвалу, скинул с плеча двустволку и открыл дверь.

– Трофимыч, ты, что ли? – услышал он хриплый голос Валерки, который смотрел на него снизу. – Тебя не узнать. Помолодел и посвежел.

– Выходи, – приказал Безуглов. – Остальные пусть пока в подвале посидят.

Валерка, придерживая скреплённую дощечками сломанную руку, с трудом вылез из подвала. Безуглов закрыл за ним дверь и пригласил соседа в дом, где между ними состоялась беседа. Ходить вокруг да около Анатолий не стал. Ему была нужна информация, и он сказал:

– Давай выкладывай.

– Трофимыч, – заныл Валерка, – чего ты? Лучше выпьем. У меня знаешь, как рука болит? Спасу нет.

– Обычный закрытый перелом, и помощь оказана своевременно. Срастётся. Так что не юли. Говори, кто послал и зачем.

– Я приезжому уже всё рассказал.

– А мне нет.

– Трофимыч...

Безуглов ударил Валерку по щеке, и тот, отшатнувшись, неловко взмахнул рукой и завопил от боли. Однако быстро успокоился и начал рассказ.

После бегства из деревни он подался в райцентр. Работал в одном месте, потом в другом. Пока не влился в бригаду шабашников. Работы хватало. Дом перекрыть, забетонировать что-то, фундамент залить или забор поменять. Мужики собрались работающие, хотя и пьющие да без царя в голове. Днём пахали, а ночами пили.

Потом чума, и бригадир, головастый мужик, успевший провести несколько лет на зоне за грабежи и разбой, сообразил, что надо валить из города. Но не просто так, а с прибытком. Задумка простая: на продовольственной базе, где в последний раз трудилась бригада, много товара, а охраны нет. Есть машины и техника, всё это можно присвоить, спрятать в лесах и пользоваться. А попутно грабить беженцев и тянуть в чашу красивых тёлочек.

Работяги своему бригадиру, который привёл пару приклатнённых знакомых, поверили и его идею поддержали. После чего в леса были высланы две команды.

Примерно так Трофимыч себе всё и представлял. Поэтому налил Валерке стакан водки и

приказал:

– Пей.

Валерка шумно выдохнул и опрокинул стакан в горло. Потом закусил и посмотрел на Безуглова:

– Что дальше, Трофимыч?

– А дальше ты с другом, который здоров, вернёшься в город и вызовешь сюда бригадира. Скажи ему, что я с ним поговорить хочу, тема достойная имеется. И ему хорошо будет, и мне, и всем вам. Понял?

Непутёвый Валерка ни черта не понял, но кивнул:

– Да.

– Тогда вперед.

Мужики вышли из дома, остановились возле «нивы», и Валера спросил:

– А как же мы поедем? Топлива нет. Я видел, как новый Людкин хахаль всё слил.

– Не кипишуй, – усмехнулся Трофимыч. – Пока приезжие суетились, я одну канистру в сторонку отставил. Они не заметили.

Ночь. Я в одиночестве сидел в машине и пытался при помощи мобильника поймать какую-нибудь радиостанцию. Однако кроме местной волны, которая по кругу передавала одно и то же – город Великий Устюг закрыт, – ничего не было. Треск помех, и на этом всё.

– Блин! – Я отбросил бесполезный мобильник на приборную панель.

Подтянув наплечную кобуру с пистолетом, накинул лёгкую курточку, взял отобранный вчера у попавшегося на пути наркомана хороший тактический фонарик и вышел.

По телу сразу прошёл озноб. Середина августа, и должно быть тепло, но мы не на юге и даже не в Москве. Забрались на север прилично, а здесь ночами прохладно. Если более точно обозначить свою локацию, то мы где-то между опустевшим посёлком Новатор и городом Великий Устюг, в котором живёт Дед Мороз. Вокруг нас полевой лагерь беженцев, в котором больше двух тысяч человек. Топлива нет. Деньги потеряли свою цену. С едой плохо. Чистая вода в дефиците. Город закрыт, и объехать его невозможно. Везде армейские патрули и полиция, а помимо них неплохо вооружённые ополченцы, больше напоминающие бойцов ЧВК – униформа и оружие, а также чёткая структура управления. Причём почти все они, как говорят беженцы, которые с ними общались, не местные.

В общем, мы в очередной раз застряли. С каждым днём в лагере становилось всё больше народа, люди волнуются и нервничают, вспыхивают драки, и вероятность заражения растёт. Был слух, что сегодня на дороге машину пытались остановить. Она хотела прорваться через кордон, но ничего не вышло. Заградотряд её расстрелял. А когда бойцы подошли, то обнаружили внутри трёх человек, и у каждого лицо в белёсых оспенных волдырях. Машину сожгли, а бойцов отправили в карантин, слишком они приблизились к опасности.

Мы в лагере сидим четвёртый день и никак не можем решить, что делать дальше. Дядьке проще. Он палатку поставил и постоянно проводит время с Людмилой. Охи-вздохи-стоны. Ему вроде как думать некогда, вся энергия в член ушла. И Людка рада, в её жизни появился настоящий мужчина. А мне чем заняться? Люди кругом чужие, общение с опаской, каждый готов к тому, что сосед окажется врагом или больным. У каждого пятого огнестрел, а у остальных ножи, топоры и мачете.словно на Диком Западе оказался. Вчера попытался в Новатор сходить, думал, может, чего найду. Но не дошёл. С какими-то агрессивными бродягами бомжеватого вида столкнулся. Пришлось даже стрелять. Пока в воздух. А потом возвращаться.

Посмотрев на небо, я не увидел звёзд. То ли кроны деревьев не давали их увидеть, то ли тучи. Не разберёшь. Время около десяти часов вечера, спать рано, да и не охота, днём пару раз вздремнул. К ручью за водой сходил, а потом по лагерю пошлялся и новости послушал.

Тихо, стараясь не шуметь, я приблизился к нашей палатке и прислушался. Внутри шорохи и тихие стоны Людмилы.

«Опять они за своё, только секс на уме», – промелькнула у меня мысль, и, улыбнувшись, я снова отправился бродить по лагерю.

Опасно это – в темноте ходить. Но есть тропки, которые считаются общими, и я двигался по ним. Одна – из нашей рощи через поле на трассу, а другая – к речке, которая снабжала лагерь водой.

Прошёл мимо потрёпанной белой «десятки». Хозяина, сурового мужика, который представился как Шериф, и его жену татарку Мадину не увидел. Наверное, уже спят.

Дальше набитый вещами автобус ПАЗ, а вот здесь многолюдно. Семь-восемь человек в возрасте от пятнадцати до пятидесяти лет сидели возле костра, в котором горела старая крышка, и о чём-то спорили. Говорок непонятный. Это многодетная семья Ефремовых, они пермяки или коми. Я этого не понял. Выглядят как русские, половина блондины с голубыми глазами и по-русски разговаривают чисто. А между собой общаются по-своему. Не разберёшь. Ясно одно – они родом из этих широт, но проживали в Нижнем Новгороде. Хотели вернуться в Пермский край, спрятаться у родичей в лесах. Да не вышло. От кордона до кордона ехали и оказались под Великим Устюгом.

За пазиком – поцарапанный «мерседес» чёрного цвета и рядом – красивая девушка, которая разговаривала с двумя девчонками-близняшками. Она общаться ни с кем не желала и всегда держала под рукой травматический пистолет. Но кое-какую информацию я из неё выудил. Зовут Светлана. Из Москвы. Была подругой серьёзного предпринимателя. Когда узнала о надвигающейся беде, вместе с хахалем и детьми, которые оказались её сестрами, подалась в Ямало-Ненецкий АО, где у мужика бизнес и жильё. Любовника по дороге потеряла, то ли убили, то ли сам сбежал. И она зависла. Куда все едут, туда и она. Короче, потенциальная жертва. Баба взрослая, а дура душой. Ладно, сама. А детей куда тянет? Ведь пропадут же, им не больше девяти-десяти лет, прямо ангелочки, совершенно не приспособленные к выживанию в дикой природе. И, может, меня это не задевало бы так серьёзно, но девушка очень уж красивая. Длинноволосая блондинка, стройная, фигурка точёная и грудь третьего размера. Есть на что посмотреть и за что подержаться. Как её увидел, даже сердце дрогнуло. Понимаю, что она немного старше и с детьми, которые на данный момент являются бесполезным балластом. Но всё равно приятно на неё смотреть и хочется улыбаться. Что это – лёгкая влюблённость, ностальгия по прошлым временам, когда такие красотки были вокруг, или нечто большее? Не понимаю, и это мне не нравится, потому что отвлекает.

– Привет, Свет, – махнул я ей рукой и улыбнулся девочкам. – Как дела, крохи?

Девушка не ответила, а дети прижались к сестре.

Пожав плечами, я пошёл дальше. Следующая машина – КамАЗ без прицепа. Внутри горел свет, и видно, как дальнбойщик Мухтар, дагестанец, который никак не мог добраться домой, потому что кончилась горючка, пытается кому-то позвонить. Как ни пройду мимо, он телефон мучает и ругается. Думает, что вот-вот появится связь, хотя бы на полчаса, и он созвонится с земляками, которые ему помогут. Ага... Сейчас... Нынче каждый сам за себя. Хотя пока Мухтар не сломал автомобильную рацию, я с ним делился продуктами. Он мне информацию, а я ему пачку галет и банку тушёнки. Что характерно, свиной, и он не отказывался. Только ел ночью, чтобы Аллах не увидел.

Я прошёл по тропинке ещё десять метров и оказался на поляне. Когда мы на неё впервые заехали, было чистенько, а сейчас, прошу прощения за выражение, всё засрали. Здесь молодёжь тусуется, мои ровесники. Но мне с ними не по пути. Шесть машин и четыре мотоцикла. В толпе полтора десятка парней и девчонок. Сами себя они называют хиппи. А по сути – кучка дармоедов. Постоянно трахаются, бухают и мастерят бульбуляторы. Им всё равно, что будет завтра. Я хотел было навести порядок, поговорить с ними серьёзно и предложить выбор: они остаются и ведут себя тихо или сваливают. Но дядька не подписался, ему лень, а остальные в стороне. Ну, а сам я не герой, хоть и с оружием. У них, между прочим, тоже стволы имеются.

За поляной, которую я миновал спокойно, две машины, «нива» и какой-то кореец. Здесь

друзья, семьи Довластовых и Укладниковых. Два офицера-питерца отдыхали на Урале. Быстро вернуться на родину не получилось, и течением их вынесло сюда. Далекое и не в ту сторону, но они не унывали, держались бодрячком и пытались пробиться в Устюг, чтобы найти военкома. В конце концов, они люди военные, и для них должно найтись дело. Вот только третьи сутки торчат вместе с нами, ибо бойцы ЧВК их не пропускают, а жёны, молодые стервочки, проедают офицерам плешь.

– Иван, ты? – окликнул меня Костя Укладников.

– Да, – остановился я.

– К дороге идёшь?

– Просто гуляю.

– Погоди, я с тобой.

Оставив друга возле машины, охранять женщин и выслушивать их претензии, Костя подошёл, на плече у него висел «тигр». Где он его достал, офицер не говорил. Видимо, отобрал у кого-то или украл, а может трофейная, потому что на лобовом стекле корейца пулевое отверстие. Хотя это не важно.

– Выстрелы возле дороги слышал? – спросил он.

– Давно?

– Двадцать минут назад.

– Нет. Я в машине был.

– Проверим, что там?

– Запросто.

Мы двинулись к дороге, быстро выбрались из роши и остановились. Между нами и трассой – убранное сельхозполе, кругом костры, которых стало гораздо больше, чем было вчера. Не меньше двухсот. И это с учётом того, что не все разводили огонь, поскольку мало дров.

Только хотели продолжить движение, как навстречу, по направлению к реке, появилась процессия из полусотни людей. Мужчины, женщины и дети. Впереди – полный бородатый мужик в чёрном подряснике, отец Никодим. Вместе со своей паствой из Салехарда за счёт местного олигарха-благотворителя он отправился в паломничество по святым местам Центральной России, а назад вернуться не может. Паства где-то в Москве растворилась, не захотела или не смогла покинуть столицу, а он – упрямый.

– Отец Никодим, – позвал я его, – в чём дело, кто стрелял?

Он остановился и, указывая в сторону Устюга, пробасил:

– Отродья сатанинские в воздух стреляли. На пяти машинах оружейные подъехали и сделали объявление. До утра все должны убраться отсюда. Иначе они примут меры.

– Какие?

– Сказали, из миномётов лагерь накроют. Я пытался вразумить их, но не вышло. Ударили они меня, а мужчину, который слово поперёк сказал, жизни лишили.

Священнослужитель замолчал, а бабы тут же зарыдали. Я же задал новый вопрос:

– А вы теперь куда?

– С Божьей помощью, помолясь, перейдём через реку и обогнём стороной нечестивый град. Потом на Коробейниково выйдем и побредём на Сусоловку.

Народ двинулся дальше, а мы с Укладниковым переглянулись, и он сказал:

– Думаю, всё серьёзно.

– И я такого же мнения. Пошли обратно. С нашими поговорить надо.

Когда Иван принёс весть о зачистке, которая начнётся утром, Андрей Иванович как раз выбрался из палатки отдышаться. Людмила женщиной оказалась темпераментной, мужским вниманием не избалованная. Поэтому Вагрин-старший выкладывался по полной, словно ему не сорок, а всего двадцать лет. Но при этом он, конечно, голову не терял и продолжал думать, как быть и куда направиться. Вот только делал Вагрин все без суеты, поскольку чувствовал, что немного времени в запасе ещё есть. Это племяннику на месте не сиделось, всё равно куда, только бы двигаться. Андрея же движение наобум не устраивало, и если бы не угроза со стороны непонятных вояк, оккупировавших Устюг, он увёл бы свою небольшую группу уже на следующий день.

– Так что будем делать? – поторопил Иван старшего родственника.

– Уходим, – сказал Андрей Иванович.

– Куда?

– Сначала за священником через реку переберёмся. А потом на Котлас, до него километров семьдесят. Если нормально идти, без напряжения, дойдём за трое суток.

– Это если нас по дороге не перехватят и местные аборигены в рабство не возьмут.

– Всё может быть, но мы с тобой не мальчики для битья. – Вагрин-старший посмотрел в сторону палатки и окликнул любовницу: – Люда! Собирайся!

Словно верная и любящая жена, Людмила без споров стала собирать вещи, только самое необходимое. Иван тоже принялся за дело. А Андрей Иванович, не торопясь, провёл ревизию того, что необходимо взять с собой.

Палатка. Нужна обязательно, потому что ночью прохладно и неизвестно, куда занесёт судьба. Она много места не займёт, в чехол и на плечо.

Котелок, три кружки, три ложки, пара тарелок, нож и три фляги. Всё пригодится.

Продукты. Осталось семь банок тушёнки, пять банок рыбных консервов, пакет сухарей, две бутылки водки, десяток галет, банка кофе и три пачки чая, несколько картофелин, шоколадки, килограмм конфет и пакеты с лапшой быстрого приготовления. Не густо. Но на пару-тройку дней хватит, а если растянуть, то и на более долгий срок.

Оружие. У всех свои ножи. У Ивана – пистолет, АКС, гранаты и пара сигнальных ракет. А у старшего Вагрина – пистолет, АКМС, гранаты и запасной «макаров». У Людмилы, которая только сегодня узнала, куда направляются Вагрины, ещё один «макаров» из московского схрона. Арсенал неплохой, и боеприпасов достаточно. Ещё бы хорошие радиостанции достать, подствольники и пулемёт, который можно установить на машину, и топлива добыть, тогда совсем здорово было бы. Но это только мечты. Народ сейчас хваткий – все кино про апокалипсисы смотрели, и людей, которые задумывались о выживании, хватает.

Что ещё? Подсвечивая фонарём, Андрей Иванович обошёл стоянку, забрал бинокль, один мобильник, зарядку и гарнитуру. Вдруг пригодится? На глаза попался прорезиненный плащ. Больше ничего интересного он не нашёл и быстро собрал палатку. Упаковал свои вещи в рюкзак, и оказалось, что он опередил Ивана, который до сих пор возился.

Наконец сборы были закончены. Время за полночь, и можно выдвигаться к реке, она летом не глубокая, и вода не холодная, а неподалеку, если идти к Новатору, люди видели лодки, там и мост может быть или дамба.

Однако пришлось немного задержаться. В очередной раз. И Андрей Иванович

усмехнулся. Как ни выход, так появляется какая-то препона. Вот и теперь, только собрались закинуть на плечи рюкзаки, как подошёл Укладников, а за его спиной ещё несколько человек. Андрей Иванович с соседями общался мало, но узнал Шерифа с женой, многодетного отца Олега Ефимова и Светлану, которая за руки держала сестёр.

– Вам чего? – поинтересовался Вагрин, уже понимая, зачем пришли люди.

– Иваныч, ты уходишь? – спросил Укладников.

– Как видите.

– Нас в компанию примешь?

– А сами?

– Можем и сами, но ты, по всему виду, человек бывалый. С тобой надёжней.

– Мы на Коробейниково пойдём и дальше на север. А вам ведь в другую сторону.

– Плевать. Главное – добраться до города, где ещё есть власть. Там разберёмся.

– Ладно. Присоединяйтесь. Только учтите – никого ждать не стану. Как мы идём, так и

вы.

– Замётано. Через пять минут будем готовы.

Укладников, Шериф и Ефимов ушли. Но осталась Светлана, которая спросила:

– А мы?

– Что вы? – нахмурился Вагрин. – С тобой дети. Ты за нами не успеешь. Сколько им?

– По десять лет.

– Малые совсем. Иди по дороге, подальше от Устюга. Там к кому-нибудь прибьёшься.

Девушка опустила голову, и Андрей Иванович заметил, как напрягся племянник. Прижав его голову к своей, шёпотом спросил:

– Понравилась?

Племянник замялся, и старший Вагрин встряхнул его:

– Я вопрос задал.

Иван высвободился из захвата и ответил:

– Да.

– Серьёзно?

– Не знаю.

– Если возьмём её с собой, поможешь с детьми?

– Помогу.

– Добро. Слова не мальчика, но мужа. Только учти, доведём до ближайшего спокойного места, а дальше сами. Или возьмёшь ответственность на себя. Усёк?

– Договорились.

Тем временем Светлана и плачущие девчонки, которые устали и хотели есть, побрели к своей машине, но Андрей Иванович остановил их:

– Погодите!

Они обернулись, и Вагрин сказал:

– Вы с нами. Только быстрее сумки собирайте.

Группа, в которой собралось двадцать шесть человек была готова через час, и Андрей Иванович повёл бродяг к реке, название которой никто из беженцев не знал. Шли по следам процессии отца Никифора и других людей. Вскоре вышли к дамбе, по ней перебрались на другой берег, и произошло это как нельзя кстати, потому что военные из города не стали ждать рассвета.

Над рекой прошёл беспилотник, который повернул к трассе. А затем послышался

знакомый многим военным противный визг. Это были мины, обрушившиеся на придорожный лагерь. Сначала раздались далёкие выстрелы. Бум! Бум! Бум! Потом вой, падение и взрывы. Бах! Бах! Бах! На правом берегу реки возникло зарево пожаров, горели автомобили. С беженцами никто не церемонился, проблема решалась кардинально.

– Сто двадцать миллиметров... – сказал Укладников. – Что творят, подонки! Ещё двух недель не прошло, как о чуме объявили, а они уже свой народ убивают.

– Точно, – согласился Вагрин и поторопил людей: – Живее! Не отставать!

Идти было тяжело. Дети ныли, а жёны офицеров на ходу продолжали пилить своих благоверных. Кто-то ногу натёр, кто-то поцарапал коленку. Всё это тормозило движение, и Андрей Иванович сто раз пожалел, что согласился вести колонну. Однако он сдержал раздражение, а на рассвете объявил привал и заметил, что Иван крутится возле Светланы. Юноша сноровисто развёл костерок и повесил над ним котелок. Пока закипала вода, вскрыл банку тушёнки и стал кормить девчонок, которые с жадностью набросились на еду.

«А парень молодец, – отметил Вагрин. – Сообразил, как красавицу приручить. Вот только она и её сестрёнки всё равно обуза, от которой надо избавиться при первой возможности».

К Коробейниково группа вышла после полудня, но в посёлок мы не вошли, потому что он горел. Кто его подпалил? Что там произошло? Эти и другие вопросы конечно же интересовали всех. Однако желающих пойти в Коробейниково и узнать, в чём дело, не нашлось. Количество людей, которые были готовы без оглядки доверять другим людям, стремительно сокращалось. И, спрятавшись в придорожном лесу, группа немного отдохнула, а после разделилась. Ефимовы и Шериф пошли к Сусолово, это на восток. А мы, Светлана с сёстрами, которых звали Инна и Варя, а также офицеры с жёнами вдоль дороги потопали на север, в сторону Васильковского и Красавино.

До вечера ничего не происходило. Девчонки продолжали хныкать, и я шёл рядом с ними, помогал Светлане. А Миша Довлатов, которому надоело слушать жену, немного отстал и врезал ей, фингал под глаз поставил, и она притихла. А заодно заткнулась и супруга Укладникова, которая заметила, что её благоверный тоже теряет терпение.

В сумерках остановились на ночлег, опять в лесу, и нашу палатку отдали женщинам. Время хоть и суровое, но мы ещё не озверели. А потом поделились с попутчиками продуктами, и наш запас иссяк.

Поужинав, распределили караулы, и я заступил в первую смену. Только отошёл в темноту, чтобы глаза привыкли, как услышал шорохи. Кто-то приближался. Зверь? Возможно. Или человек? Тоже может быть. Я приготовил автомат, встал за дерево и притих.

Ожидание было томительным, но я сдерживал себя и не торопился поднимать тревогу, ибо не хотелось выглядеть паникёром. Спустя несколько минут рядом с деревом остановился человек. Он был один. Неожиданно осветив его лучом прикрученного к АКС тактического фонаря, я сбил человека ударом ноги по корпусу, приставил к голове ствол и заорал:

– Лежать, сука! Кто такой?! Отвечай!

В ответ раздался знакомый голос отца Никифора:

– Не стреляйте... Не надо... Я Божий человек...

На шум прибежали Укладников и дядька. Они проводили священника к огню, я был рядом – интересно ведь, что произошло и где попутчики Никифора.

– В чём дело? – первый вопрос Никифору задал дядька.

– На нас напали... – выдохнул он.

– Кто?

– Не знаю. Возле Коробейниково. Когда мы подошли, посёлок уже горел, и на нас налетели. На мотоциклах и машинах, здоровые мужики. Может, байкеры или банда. Безумные они, и глаза у всех словно из стекла.

– Оружие у них было?

– Да. Много. И автоматы, и ружья. Даже пулемёт видел.

– Они в вас стреляли?

– Не сразу. Сначала всех в кучу согнали и красивых женщин выбрали, трёх или четырёх. Остальным велели бежать к лесу. Мы побежали, и они стали нас догонять, а потом рубили саблями и топорами.

– Рубили? – Дядька был удивлён.

– Именно.

– И не стреляли?

– Нет.

– Допустим...

– Вы мне не верите?! – воскликнул священник и задрал подрясник. – Смотрите!

У него на боку был длинный порез и ещё один на плече. Но оба неглубокие.

– Что дальше было? – Андрей Иванович продолжил расспрашивать Никифора.

– Я сбежал. Нас было трое. Но мы разделились, и я остался один. Вслед стреляли, но недолго. Пять или шесть раз, точно не помню.

– Ещё что-то рассказать можешь?

[Купить полную версию книги](#)